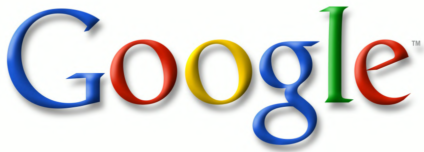

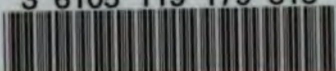
Stanford University Libraries
3 6105 119 179 815

В. Н. Перетцъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ТОМЪ II:

ИЗЪ ИСТОРІИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ПОВѢСТИ.

1. Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*
С.-Петербургъ, май 1900 г.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 1-ой, стран. 123—190.

Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ

въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв.

I.

Воззрѣнія изслѣдователей на причины, вызвавшія расколъ, взволновавшій русскую церковь и общество въ концѣ XVII в.— весьма разнообразны и несходны. Одни считаютъ его явленіемъ чисто церковной жизни, другіе видятъ въ немъ проявленіе рѣшительнаго протеста консервативныхъ элементовъ противъ вторгающейся болѣе и болѣе съ конца XVI вѣка новизны; третьи усматриваютъ въ печальныхъ московскихъ событіяхъ конца XVII в. какъ бы протестъ земли противъ узкаго самодержавія; четвертые выдвигаютъ на первый планъ условія экономической жизни Россіи, пятые — наименѣе дальновидные, пытаются построить первоначальную картину зарожденія раскола на различныхъ несогласіяхъ и раздорахъ на почвѣ раздраженнаго самолюбія нѣкоторыхъ членовъ вліятельнаго въ церковныхъ дѣлахъ кружка царскаго духовника, Вонифатьева. Чаще же всего — пытаются скомбинировать нѣсколько изъ указанныхъ причинъ, причемъ одна изъ нихъ, наиболѣе важная отходитъ на второй планъ.

Наиболѣе основательной, хотя и нѣсколько односторонней, кажется намъ точка зрѣнія П. С. Смирнова. Этотъ изслѣдователь, не пускаясь въ область рискованныхъ гипотезъ опирается

исключительно на данныя источниковъ, относящихся ко времени появленія раскола. Эти источники «показываютъ, что въ основѣ раскола лежали стремленія исключительно религіозныя» [1]), при полномъ отсутствіи какого бы то ни было протеста противъ жизни государственной; не было «ни одного намека на тяжесть соціальнаго строя, ни одного вздоха о порядкахъ экономическихъ» [2]).

Несомнѣнно, расколъ выросъ на почвѣ неразрѣшенныхъ религіозныхъ недоумѣній, но былъ въ значительной степени подготовленъ факторами какъ экономической и исторической жизни, такъ — и, мы думаемъ, еще въ значительнѣйшей степени — факторами литературными.

Весьма вѣроятно, что и церковныя нестроенія, и экономическіе и правовые недостатки московской жизни XVII столѣтія могли вызвать народное недовольство, броженіе умовъ и выразиться въ какомъ-либо, болѣе или менѣе рѣзкомъ проявленіи стихійной массовой ненависти — въ родѣ возстанія стрѣльцовъ и т. п. Но чтобы это недовольство, чисто матеріальными причинами вызванное, создало церковную революцію своего рода — для этого необходимы были духовные факторы, настолько сильно

---

1) П. С. Смирновъ, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. 1898, стр. CXXVIII.

2) Тамъ-же.—Однако исключительность такого мнѣнія показывается уже первыми строками «Исторіи о вѣрѣ и челомбитной о стрельцехъ»:

«Во р҃ч҃ году маія въ і҃ı день по смерти государя царя Өеодора Алексіевича (в) (п), попущеніемъ Святаго Бога возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи, а послѣ того смятенія въ г҃ день бысть промежъ ими дума и совѣтъ за едино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру, въ коей російской чудотворцы Богу угодили и прежнія великія князи и благовѣрныя цари и святѣйшія патріархи до настатія Никонова патріаршества. И поискавше у себя въ полку таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній, за что они старыя книги, которые печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царехъ въ пяти россійскихъ патріарховъ возненавидѣли и возлюбили новую латиноримскую вѣру по своей воли, а не по Божіи сотворенную»... Рукоп. Общ. Люб. Древн. Письм. (не описанная, куплена гр. С. Д. Шереметевымъ 9 февраля 1899), поморск. полууставъ нач. XIX в., л. 45 и обор.

овладѣвшіе движеніемъ, что никакая сила не могла его ни остановить, ни направить на соединеніе съ господствующей церковью.

Такимъ факторомъ была богатая эсхатологическая литература, породившая уже давно на Руси чаянія конца вѣка, обострившіяся къ концу XVII столѣтія съ особой силой подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о коихъ рѣчь будетъ ниже.

Вторымъ, не меньшимъ факторомъ, повліявшимъ на своеобразный путь, которымъ направился расколъ — было прочно укоренившееся въ Московскомъ народѣ представленіе о наступленіи кончины міра въ восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра.

Третій факторъ, также литературнаго происхожденія — незыблемое ходячее мнѣніе московскаго народа о роли Москвы— послѣдняго Рима, центра и прибѣжища истиннаго православія.

Эти представленія, сильно овладѣвшія умами русскихъ XVII столѣтія, зародились и поддерживались цѣлымъ рядомъ литературныхъ произведеній, большею частью распространявшихся въ рукописяхъ, но вліятельныхъ и очень популярныхъ.

Въ ряду ихъ особенно выдаются слѣдующія, которыя мы здѣсь и отмѣтимъ. Это—толкованіе Стефана Зизанія на 15 слово Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ, вошедшее въ такъ называемую Кириллову книгу 1644 г. и повторенное въ Книгѣ о вѣрѣ 1648 г. Къ этому же времени распространяются въ громадномъ количествѣ списковъ: извѣстное «Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи и объ антихристѣ», «О второмъ пришествіи» св. Ефрема Сирина, «Слово Ипполита объ антихристѣ», апокрифическое «Откровеніе Меѳодія Патарскаго», и др. Если сюда прибавить рядъ легендъ и сказаній о видѣніяхъ, о загробной жизни, о состояніи душъ, о мытарствахъ и проч., — то будетъ достаточно ясно, что старый русскій грамотникъ-начетчикъ располагалъ богатымъ запасомъ литературныхъ произведеній эсхатологическаго содержанія, облеченныхъ авторитетомъ

именъ авторовъ, которымъ они принадлежатъ или приписываются [1]).

Отсюда понятно то настроеніе, съ которымъ прислушивался народъ ко всякимъ толкамъ о концѣ міра, о страшномъ судѣ, и о появленіи антихриста.

Уже Московскому собору 1666—67 года извѣстно было, что въ народѣ ходятъ слухи о появленіи и водвореніи на царство антихриста. Патріархъ Іоасафъ II († 1672) пишетъ въ окружномъ посланіи: «уже бо антихриста въ Москвѣ родитися имущи глаголютъ, иніи же рожденна быти проповѣдаютъ» [2]).

Напряженное ожиданіе конца міра и пришествія антихриста, о которомъ говорили и въ домахъ и на улицахъ и площадяхъ, должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться и обрушиться на какое-нибудь лицо, подходящее по тѣмъ или инымъ причинамъ къ образу антихриста, созданному фантазіей, воспитанной эсхатологическою литературой.

Этимъ-то лицомъ оказался по волѣ исторіи патріархъ Никонъ. Цѣль ниже предлагаемаго обзора сказаній о патріархѣ Никонѣ— дать матеріалъ для характеристики настроенія этой, проникнутой ожиданіемъ конца міра, массы, руководимой такъ называемыми расколоучителями, а равно для характеристики воззрѣній на реформатора русской церкви таившихся по лѣсамъ и дебрямъ приверженцевъ «древляго благочестія» XVII в. Мы постараемся представить и посильно разъяснить генезисъ этихъ воззрѣній въ

---

1) Чтобы не быть голословнымъ укажу, какъ примѣръ, Сборникъ кн. П. Вяземскаго О. № VI, гдѣ на л. 162 об. и слѣд. собраны разнообразныя свидѣтельства объ антихристѣ: выписки изъ Меѳодія Патарскаго (рукоп.: Парскаго), Слова Ипполита, І. Златоустаго, Зиновія Мниха, Кн. Бытія, Царствъ, Ездры, Іисуса сына Сирахова, Іоанна Богослова, прор. Іезекіиля, Андрея Юродиваго, изъ Алфавита печатнаго и рукописнаго.

Что дѣйствительно предсказанія Слова Ипполита объ антихристѣ примѣнялись современниками патр. Никона къ нему именно, показываютъ отмѣтки на нѣкоторыхъ рукописяхъ, напр. въ рукоп. до 1682 г. противъ словъ: «и дастъ имъ знаменіе на руцѣ деснѣ и на челѣ»—приписка: «печать антихристова», т. е. троеперстное сложеніе; рукоп. собр. кн. Вяземск. О. № XLI, л. 370 об. и ниже, л. 374 об.—помѣтки, видимо, предназначались для справокъ.

2) Смирновъ, тамъ-же, стр. 1.

зависимости отъ того матеріала, который даетъ намъ старообрядческая литература, относящаяся къ концу XVII и началу XVIII в., когда патріархъ Никонъ могъ интересовать своихъ противниковъ, какъ личность, съ которой связывались извѣстныя эсхатологическія представленія.

Наша задача — не богословское изслѣдованіе, а чисто историко-литературное, отчасти психологическое, если такъ можно выразиться, имѣя въ виду изслѣдованіе настроеній народной массы и ея руководителей.

Приводимый ниже матеріалъ мы извлекаемъ по преимуществу изъ рукописей, малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ, чтò даетъ намъ смѣлость дѣлать нѣсколько пространныя выписки. Къ тому же полагаемъ, что для характеристики эпохи и ея воззрѣній лучше всего можетъ служить собственный голосъ ея дѣятелей, чѣмъ даже порой искусный пересказъ; тѣмъ болѣе, что старообрядческая литература о патріархѣ Никонѣ еще не собрана вполнѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи насъ интересуютъ главнымъ образомъ два вопроса.

Во первыхъ — почему сторонники старины увидѣли въ патріархѣ Никонѣ сразу предтечу, а иные и самого антихриста, и была ли поводомъ къ такому отожествленію исключительно ненависть, одушевлявшая «страдальцевъ и мучениковъ» за древлее благочестіе? Не было ли какихъ-либо объективныхъ признаковъ, побудившихъ этихъ послѣднихъ отожествить ненавистнаго имъ нововводителя съ врагомъ Христа и Церкви?

Второй вопросъ — какъ повліяло такое отожествленіе на сознаніе старообрядческой общины и въ чемъ оно выразилось? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ служить обзоръ сказаній о Никонѣ, которыми старообрядцы пытались оправдать и подкрѣпить свое мнѣніе о патріархѣ-реформаторѣ.

II.

«По тысящи лѣтъ отъ воплощенія и страсти Господа Нашего Іисуса Христа развязанъ бысть змій древній, сатана на мало время, да льститъ народы, яко же глаголетъ во откровеніи богословли глава к҃а, и хоботомъ своимъ, папою римскимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ; сирѣчь православныхъ христіанъ отъ вѣры церковнаго неба, и поверже ихъ на землю, сирѣчь на земное, плотское мудрованіе, еже есть вражда на Бога. И то сатана римское царство на западѣ, идѣ же престолъ его есть, учинилъ матерь и приятелище всѣхъ ересей и источникъ всякаго нечестія... И въ наше пресвѣтлое русское царство до сихъ временъ многажды заглядывалъ вселукавый врагъ, мысля отъ вѣры правыя отторгнути насъ, но непопустившу Богу тогда, яко не у еще исполнися писаніе и число звѣрино 1666».

Далѣе авторъ перечисляетъ рядъ неудачныхъ попытокъ діавола посѣять римскую ересь на Руси, начиная съ св. кн. Александра Невскаго до Смутнаго времени. Несмотря на эти попытки «самъ лести мудрецъ сатана съ воинствомъ своимъ попранъ бысть и посрамлѣнъ и церковь наша святая россійская православная своею вѣрою по таковыхъ искушеніи свѣтлѣе солнца показася, и миръ и тишина бысть велія — до наскоченія Никонова патріаршества. И егда убо исполнися писаніе и настоящее время по откровенію богословлю глава г҃і, по числу звѣря х҃ исполнися по римскомъ отступленіи, тогда малая Русь, Литва отступила отъ вѣры. И посемъ, егда пріиде и исполнися писаніе ҂х҃ѕ лѣтъ, тогда, Богу попустившу, сатана свое дѣло соверши и великое россійское царство отторже сатана хоботомъ своимъ Никономъ»[1]).

1) Рукоп. собр. кн. Вяземскаго, О. № V, сборникъ старообрядческихъ сочиненій XVIII в., л. 61 об.—65.

Такъ начинается пространное «Сказаніе отчасти вѣдомости ради православнымъ о превращеніи богомерзкихъ новыхъ книгъ и ересехъ и плевелѣхъ насѣяно на погибель душамъ христіанскимъ, паче же на истребленіе православныя вѣры». Постепенно, сначала издалека, затѣмъ ближе и ближе приступалъ къ третьему и послѣднему Риму, т. е. къ Москвѣ, врагъ Христовъ и наконецъ довершилъ свой замыселъ съ помощью Никона.

Признаки антихриста и его времени были указаны въ старинной литературѣ довольно точно. Минуя общіе, остановимся на тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе въ глазахъ старообрядцевъ непосредственно къ Никону.

Искавшіе этихъ признаковъ вообще въ знаменіяхъ времени и въ частности въ ближайшихъ ко времени Никона могли не безъ пользы для себя опираться прежде всего на указанія, собранныя въ Большомъ Катехизисѣ. Эти указанія мы нерѣдко встрѣчаемъ въ сборникахъ, какъ оправданіе того, что антихристово царство уже наступило. Пользуюсь такой выпиской изъ Катехизиса, сохранившейся въ рукописи XVIII в. [1]).

На вопросъ: «какова знаменіѧ бꙋдꙋтъ пре҃ пришествиемъ хр҃товымъ и пре҃ сꙋднымъ днемъ», слѣдуетъ сначала одинъ общій отвѣтъ:

«Различнаѧ и многа вѣщаю҃ намъ ст҃аѧ писаниѧ знамениѧ же есть пред пришествиемъ христовымъ». Слѣдуетъ перечисленіе знаменій, при передачѣ которыхъ мы не слѣдуемъ порядку рукописи, выдвигая наиболѣе существенныя.

1) «Мнози востанутъ лжехристи и лжепророцы», — чѣмъ же, какъ не однимъ изъ таковыхъ могъ показаться разстроенному воображенію патр. Никонъ, исправлявшій книги и строившій Новый Іерусалимъ, въ коемъ, по предсказанію одного авторитетнаго въ то время лица, долженъ былъ явиться и новый богъ, т. е. антихристъ?

---

1) Рукоп. собр. Вяземскаго, О. № VI, л. 126 и обор.

2) «Востанетъ языкъ на языкъ» и «царство на царство». «Востанутъ рати.»—XVII вѣкъ не могъ похвалиться особымъ мирнымъ настроеніемъ и ознаменовался не одной войной.

3) «Глады», «тлетворныя вѣтры, рекше моры».— Голодовки въ теченіе XVII в. почти не прекращались, а страшный моръ, во время котораго патр. Никонъ спасалъ, пряча по лѣсамъ, царское семейство, — былъ у всѣхъ въ памяти.

4) «Оскудѣетъ вѣра во многихъ мѣстѣхъ», «будутъ человѣцы самолюбивы», «мнятся о себѣ быти разумны», «горделивіи и тщеславніи», «самовластніи», «нѣцыи отступятъ отъ вѣры».—Чѣмъ инымъ, какъ не гордостью и тщеславіемъ, должны, были казаться попытки исправить ошибки въ писаніяхъ, по коимъ столько святыхъ русскихъ спаслось? Съ точки зрѣнія приверженцевъ буквы — всякое отступленіе отъ нея казалось проявленіемъ преступнаго самомнѣнія и гордости.

5) Часть признаковъ касается семейной нравственности: «будѹтъ безстрашно и самовластно жити и бракъ возлюбятъ безчестный, яко же во время Ноя, прежде Потопа» и «родителемъ своимъ непокорніи и къ церквамъ божіимъ лѣнивіи.»— По поводу этихъ указаній, являющихся общимъ мѣстомъ въ старинной назидательной литературѣ, каждый могъ привести безъ сомнѣнія не мало примѣровъ, по несовершенству человѣческой природы и отдаленности ея отъ идеала нравственности.

Наконецъ прійдетъ антихристъ, возложитъ печать свою на тѣхъ, кто не крестится надлежащимъ образомъ: «идѣже бываетъ свѣта лишеніе, ту бываетъ тмѣ пришествіе», т. е. кто не охраняетъ чистоту старой вѣры, тѣмъ самымъ впадаетъ въ руки антихриста.

Еще одна подробность укрѣплявшая въ ревнителяхъ старины увѣренность въ наступленіе царства антихриста: «совокупятся бранию царие земстіи со антихристомъ на Бога нашего» [1) —

1) Тамъ-же, л. 126 об.—127.

сторону патр. Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ, какъ извѣстно, принялъ царь и большинство высшаго класса, несмотря на позже возникшую вражду, окончившуюся ссылкой смѣлаго реформатора.

Обратимся къ собственно литературнымъ памятникамъ.

«Откровеніе» Меѳодія Патарскаго давало несомнѣнно соотвѣтствовавшія современнымъ началу раскола лицамъ характеристики. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ, позже оказавшійся въ писаніяхъ одного изъ старообрядцевъ «рогомъ антихриста»,— первоначально могъ совпасть съ представленіемъ апокалиптическаго кроткаго царя Михаила. Антихристъ, по этому «откровенію», зачатый черницей дѣвой отъ поющей въ саду птицы, приходитъ къ царю и дѣлается любимымъ слугой его. «Будетъ сперва окаянный антихристъ кротокъ и смиренъ, богобоязнивъ, нищелюбивъ, ненавидяй неправды, избавляй обидимыя, ненавидя мзды, идолослуженія отвращаяся, писанія любя, священникъ стыдяся, сѣдины почитая, блуда не пріемля, обидимыя сиротъ и вдовицъ заступая отъ всякаго насильства». Но позже, захвативъ власть, воцарившись, онъ круто измѣнится: «вознесется сердцемъ, на всякаго человѣка не точію же, но и на Бога хулная речетъ» и т. п. [1]).

Все это не могло не наводить мысли современниковъ на патріарха Никона, особенно тѣхъ, которые какъ протопопъ Аввакумъ, знали его отношенія къ кружку С. Вонифатьева, царскаго духовника,—сперва дружескія, позже круто измѣнившіяся къ худшему.

Почти такія же указанія находимъ у Петра Дамаскина, гдѣ съ опредѣленностью указывается, что антихристъ явится въ видѣ чернеца съ сѣвера:

«Чернéцъ нѣ́кій и҆́мать ѿ сѣвера востáти, и҆ во҆мѹті́ти в҆ мі́рѣ сѹ́щимь и҆ во бл҃гочéстїи, и҆ взы́детъ на престóлъ, дменїемъ превысóко, въ цр҃твенныхъ же прїискръ и҆ содрѹ-

1) Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреченной литер. II, стр. 262—264.

же́бенъ бꙋдетъ. ѝ ѿ тѣ́хъ покꙋситсѧ с҃та́ѧ с҃ты҃ создáти. ѿ тꙋдꙋ же безсла́віе снидеть, а по немъ на пр҃то́лѣ всекра́йнѧго смиренїѧ го́рдость преоумножитсѧ, свѧтителство кꙋпно и мꙋчи̇̀телство. ме́рзость запꙋстѣ́нїѧ, хꙋлы на мѣ́стѣ с҃тѣмъ, оу̇кореня́ема ймать бы́ти, мѧте́жи ѝ страхованїѧ, ѝ самогꙋби́тельства разли́чна помно́гꙋ. не́нависти, сва́ры, междоꙋсобїѧ, кꙋпно ѝ враго҃ наше́ствїѧ, гла҃ ѝ мо́ръ оу̇мно́жаютсѧ, люби́тельнаѧ҃ союзства всѧ̀ во льсти̇̀ заключена бꙋдꙋтъ»[1])...

Кромѣ того извѣстное предсказаніе, что антихристъ явится въ Римѣ, могло оправдываться отожествленіемъ Москвы съ истиннымъ православнымъ Римомъ, наслѣдницей котораго являлась она еще съ XVI в. въ глазахъ благочестивыхъ москвичей.

Подчеркнутое выше совпадаетъ, какъ говорятъ современныя извѣстія, съ тѣмъ, что̀ извѣстно о патріархѣ Никонѣ. Его гордость, дружба съ царемъ и близость къ царской семьѣ, безпощадность по отношенію къ противникамъ и ослушникамъ, его «мучительство», умножившіеся случаи самосожженія и уморенія голодомъ—все это совпадаетъ съ данными выше признаками наступившаго антихристова царства.

Неизвѣстный авторъ особенно рѣзко нападаетъ на патріарха Никона за его перемѣну по отношенію къ друзьямъ, которымъ онъ ранѣе казался истиннымъ другомъ древляго благочестія.

«Той же волкъ,—говоритъ авторъ «Сказанія»,—подкраде стадо христово, во овчей кожи пришедъ: и сперва ревнуя показася по благочестію и по истиннѣ и тѣмъ пронырствомъ своимъ и добрѣ воздѣланную ниву сердца тогда благочестиваго царя Алеѯія Михайловича злымъ терніемъ насѣя и плевелами, и окрадѣ святопомазанную его душу».

.....«Нача церковь Христову разоряти и догматы превращати и святыя и непорочныя и богодухновенныя книги опрометати, и

1) Рукоп. Церковно-Археол. Муз. при Кіевск. Дух. Акад. № 622 (Т. 344) л. 167. Сборн. начала XVIII в.

уставы и вся чины церковныя святыхъ отецъ премѣняти и все по своему прелагати. И возбраняющихъ ему о сихъ церковныхъ чадъ біл и муча и въ далныхъ странахъ заточая, и въ темницахъ уморяя, иныхъ безъ вѣсти сотворяя, яко же преосвященнаго епископа Павла Коломенскаго, добраго пастыря, полагающаго душу свою за Христово стадо, разбойнически ободра и никто же вѣсть, како его оконча; и прочихъ..... коихъ могій прельстити — прельсти, а иныхъ малоумныхъ и слабыхъ беззаконною клятвою своею устрашилъ» [1])...

Лукавство Никона особенно бросалось въ глаза его противникамъ: «а Никонъ егда на патріаршество вкрался, показуя человѣкомъ лукаву добродѣтель», говорится въ посланіи къ нѣкоему Іоанну [2]).

«Въ лѣто 7160 году. . по попущенію Божію,—пишетъ Аввакумъ,—вкрался на престолъ патріаршескій бывшій попъ Никита Миничъ... являяся яко ангелъ, внутрь сый діаволъ» [3]).

Кстати вспомнили и какое-то прореченіе Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана: «когда будетъ у васъ въ Россіи царь съ первыя литеры (А), при томъ царѣ премѣнятся вся чины уставы церковныя и новое послѣдованіе и новой Богъ будетъ и гоненіе веліе на церковь Христову» [4]).

Тоже почти и въ тѣхъ же словахъ приписываютъ и патріарху Іерусалимскому Паисію (?), который будто бы изрекъ: «когда патріархъ сѣверной Никонъ началъ строить новой Іерусалимъ, то скоро и новой Богъ будетъ на земли, сирѣчь антихристъ» [5]).

На Никона, какъ на антихриста указывалъ, по мнѣнію рас-

---

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 65—66.

2) Матер. по исторіи раскола, т. V, 224—30; по предположенію П. С. Смирнова принадлежитъ Аввакуму (Внутр. вопр., стр. LXIV, прим. 94).

3) Матер. по исторіи раскола, V, 261—2.

4) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № III, л. 11 и об.

5) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 401, л. 180 и обор.

колоучителей даже популярный Алфавитъ, гдѣ имя «звѣря» толковалось: «Никоноръ, Никополъ, Никодимъ, Никиѳоръ и просто рещи Никонъ — побѣда людская, побѣдитель людей» [1]).

Не безъ вліянія на созданіе легенды о Никонѣ-антихристѣ оказались и нѣкоторыя черты характера патріарха—его вспыльчивость и безпощадность къ противникамъ, считавшимъ себя носителями истины и единственными сосудами «древляго» благочестія.

Съ точки зрѣнія ревнителей старины крутой образъ дѣйствій Никона съ противниками былъ понятъ какъ «мучительство», о коемъ говоритъ Петръ Дамаскинъ.

Въ «Посланіи священно-протопопа Аввакума» [2]), послѣ описанія первыхъ отступленій Никона говорится: ...«начахомъ обличати еретика и предтечу антихристова; онъ же намучивъ много и разославъ в сылки всех, и разсѣяни быхомъ яко от скорби бывшиѧ при Стеѳане апостоли, тако отцевъ и братию мою разосла: епископа Павла Коломенскаго мѹчилъ и в новогородскихъ предѣлехъ огнемъ сожеглъ, Даніила костромскаго протопопа мѹчивъ много и въ Астрахани, в земляной тюрме заморилъ, Мѹромскаго протопопа Логина остригъ и мѹчивъ много в Мѹромъ сослалъ тут же и скончалсѧ въ морѹ, Гаврїила священника въ Нижнемъ приказал головѹ отсещи, Михайла священника безвѣстно погѹбилъ, двѹхъ священниковъ вологжанъ безвѣстно же погѹбилъ, со мной сидѣли ѯ҃ человѣкъ, и во всенощное взялъ мѹчилъ и билъ и проклинаѧ в тюрмѣ держалъ: малїи нынѣ въ живыхъ обрѣтаются, а мене въ Даурскую землю сослалъ — отъ Москвы, чаю, бѹдетъ съ десятъ тысещъ верстъ за Сибирь»— далѣе исчисляются побои палками и кнутомъ, понесенные Аввакумомъ и продолжается перечень жертвъ Никона: старцу Епиѳанію рѣзали языкъ дважды и держать нача въ заключеніи; тамъ же мучатся нагими попъ Лазорь и діаконъ Ѳеодоръ, и Ки-

1) Рукоп. собранія кн. Вяземскаго. О. № VI, л. 168.

2) Рукоп. кн. Вяземскаго. О. № VI, л. 230—232.

пріанъ; двухъ человѣкъ удавили на висѣлицѣ никоніяне еретики, на Москвѣ старца Аврамія и Исаія Салтыкова сожгли, старца Іону Казанца въ Вольскомъ острогѣ разсѣкли на пятеро, Іоанна уродливаго, Поліекта священника сожгли и съ нимъ 14 человѣкъ, въ Нижнемъ сожгли человѣка, въ Казани — 50 человѣкъ, въ Кіевѣ стрѣльца Иларіона сожгли, а на Волгѣ живущихъ во градѣхъ и селѣхъ и в деревняхъ тысящи тысящами положено»...

Даже если примемъ послѣднее выраженіе за риторическую гиперболу увлекшагося прот. Аввакума, то все-таки получается картина, достаточно говорящая въ пользу нашего предположенія. Если же добавимъ данныя о пострадавшихъ во время патріаршества Никона по другимъ источникамъ, напр. по рукописи собранія кн. Вяземскаго, О. № V, и по «Россійскому Вертограду» Денисова, то вполнѣ очевиднымъ станетъ взглядъ приверженцевъ старины на Никона, какъ на великаго мучителя.

Нѣсколько ниже въ томъ же посланіи[1]) Аввакумъ пишетъ такъ: ...«и до сего времени непрестанно жгутъ и палятъ исповѣдниковъ христовыхъ. Они миленкія ради пресвѣтлыя и честныя и страшныя Троицы несытно пущи въ глаза идутъ, въ слово яко комаръ или мшицы: елико ихъ больше подавляютъ, тогда болши въ глаза лѣзутъ; такъ же и русаки бѣдныя, мучителя дождавши, полками во огнь дерзаютъ за Христа Сына Божія...» Слѣдуетъ исчисленіе: въ Казани никоніяне 50 человѣкъ сожгли, въ Сибири столько же, во Владимірѣ 6 человѣкъ, въ Боровскѣ 14, «а въ Нижнемъ преславно бысть: овыхъ еретики пожигаху, а инніи, распалшеся любовію и плакавше о благовѣріи, не дождавше же еретическаго осужденія, сами во огнь дерзнувъше, да цело и непорочно [души] соблюдутъ».

Но это была борьба, а не одностороннее преслѣдованіе: Никонъ ссылалъ враговъ реформы и своихъ личныхъ недруговъ — они же, не имѣя силы явно съ успѣхомъ бороться противъ него, не брезговали всѣми средствами и «жалили его пяту» —

1) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № VI, л. 244.

мстили ему распространеніемъ невѣроятнѣйшихъ разсказовъ о немъ въ довѣрчивой и невѣжественной средѣ.

Всѣ подобныя розсказни не могли не дѣйствовать въ свою очередь на людей, проникнутыхъ мыслью о близости кончины міра и боязливо озиравшихся, откуда идетъ антихристъ.

Инокъ Авраамій, обращаясь къ Никону, прямо спрашивалъ: «Никоне, не ты ли еси грядый возмутити вселенную? или ты еси предходяй и предуготовляй путь послѣднему?»

Самъ Никонъ, можетъ быть безсознательно, подавалъ поводъ приверженцамъ старины создавать о себѣ легенды и истолковывать свои поступки въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Таково его распоряженіе о написаніи съ себя портрета, который тотчасъ же поспѣшили отожествить съ «иконой звѣря». Таково его поведеніе во время моровой язвы, можетъ быть, спасшее царю его семью, но погубившее самого патріарха въ глазахъ старообрядческой партіи. Вотъ что пишетъ «сказаніе» объ этомъ послѣднемъ случаѣ.

Послѣ поставленія Никона патріархомъ, какъ бы въ наказаніе русской землѣ за таковое нечестіе, «да не мимо идетъ писаніе послѣднихъ прелестей, тогда же вскорѣ Господь Богъ гнѣвъ свой излія на русскую землю: посла смертоносную язву на человѣки, уцѣломудрити хотя насъ»...— а въ это время, вмѣсто того, чтобы обратиться къ милости Божіей и призвать народъ къ молитвѣ, «наемникъ (т. е. Никонъ), иже нѣсть пастырь, оставя овцы Христова стада и начатъ бѣгати отъ Божія суда по лѣсамъ и по блатомъ, по непроходнымъ мѣстамъ, мосты ставя и люди муча, и по манастырямъ крыяся, и царицу съ чады съ собою водя, лестію приступая, якобы хотя сохранити отъ суда Божія. Человѣкъ тлѣнный самъ и смертный, а не на Бога уповая (аще не онъ, создатель, сохранитъ, то кто отъ всевидящаго ока Его укрытися можетъ?). А онъ, отступникъ, волхвуя тогда древеса собирая мажжевель, и по странамъ пути полагати повелѣ и зажигати и сквозѣ той огнь самъ, богоотступникъ, проходя и всѣхъ людей окуряя; а по градомъ

грамоты разсылаше богопротивникъ Никонъ къ болящимъ и повелѣ священникомъ [не] ходити и святыхъ тайнъ не сподобляти ихъ А самъ многихъ въ весехъ людей Божіихъ въ храминахъ заваливая, а иныхъ заваливши огнемъ сожигая и живыхъ. И тако тогда многія христіяна по градомъ и селомъ бесъ покаянія и бесъ причащенія умираху».

Священники, причащавшіе вопреки приказу Никона, подпадали подъ запрещеніе. Таково было его «свирѣпство» и «волхвованіе». Авторъ вспоминаетъ другіе случаи, когда постигалъ Россію моръ: тогда пастыри посѣщали больныхъ, утѣшали ихъ и молитвой и милостыней утоляли праведный гнѣвъ Божій.

Никонъ же «оставя Творца своего и Создателя, а на тварь надѣясь на огнь и можжевель древо»: выводъ отсюда — далеко не къ чести и похвалѣ архипастыря [1]).

Приверженцы старины, однако, не всѣ и не сразу признали въ патріархѣ Никонѣ антихриста.

Болѣе образованные представители пытались провѣрить такое предположеніе по даннымъ Писанія — и это привело ихъ къ различнымъ выводамъ, сообразно настроенію и смыслу каждаго.

Инокъ Авраамій, твердо вѣруя, что, согласно словамъ ап. Павла, главнымъ признакомъ пришествія антихриста является отступленіе отъ вѣры, писалъ, что антихристово царство распространяется и самъ онъ скоро явится [2]).

Съ особенной увѣренностью, особенно опредѣленно настаиваетъ на мысли, что антихристу предназначено явиться на Руси, въ Москвѣ — инокъ Авраамій въ своемъ посланіи къ боярынѣ Морозовой [3]).

---

1) Рукоп. собр. Вяземскаго О. № V, л. 79—81.

2) Матеріалы, VI, стр. 14.

3) Полное названіе: «Слово інока Авраамія заключеннаго бывша в духовномъ Содомѣ и Египтѣ за слово Божіе и за свидѣтельство і҃с х҃во ко дщеремъ Федосіи и Евдокіи Прокопьевнымъ княгинямъ и прочимъ женамъ благочестивымъ», рукоп. Погодина № 1552, XVII в., л. 59—75.

«Мнози глаголютъ от невѣденія своего, яко быти антихристу во Иерусалимѣ сущему, иніи же глаголютъ на земли чювственнѣй и скоро зѣло быти преставленію свѣта сего. Иніи же глаголютъ на земли чювственнѣй пророкомъ Иліи и Еноху не быти. Ты же оувѣрися о семъ писаніемъ божественнымъ. Глаголетъ бо пророкъ яко от сѣвера лукавство сказуетъ намъ (пророкъ) явѣ, яко антихриста возвестилъ быти ему в сѣверной странѣ. И Афанаси Великій Антіоху возвестилъ еже быти ему въ Скифополи, Скифопол'же сѣверная страна, наша руская земля. А святый Іоаннъ Златоустый разсуждаетъ в бесѣдахъ на посланіе апостола Павла и сказуетъ яко в Римѣ быти ему. Святый же Кириллъ во многихъ мѣстехъ воспоминаетъ во своей книге во знаменіяхъ, яко в Римѣ царство его будетъ, и сіе согласно же еже здѣ быти ему. И святый Селивестръ папа римскій егда съ небеси посланъ к Филофею патріарху Царяграда, нашу рускую землю благочестія ради исповѣдалъ свѣтлою Росіею, и третіи Римъ. Да и в Кормчей книге пишетъ третіимъ Римомъ рускую нашу землю. А греческое царство вторый Римъ именуется в писаніи. И глаголетъ святый Кирил о антихристѣ яко ни от царей, ни от царскаго рода будетъ. Преподобны же Петръ Дамаскинъ пишетъ о немъ, яко чернецъ имат востати в сѣверной странѣ и древнихъ еретиковъ всѣхъ ереси подъиметъ. И сіе согласно ѕѣло нынѣшнему времени. Избранный же сосудъ Павелъ апостолъ в посланіи своемъ пишетъ о немъ, яко аще не пріиде отступленіе вѣры прежде и открыется человѣкъ беззаконію сынъ погибели противникъ. Сіе толкуетъ святый Златоустъ, что есть отступленіе, и глаголетъ апостолъ, яко того самого антихриста отступленіе наричетъ яко отступленіе пріидетъ от вѣры. Онъ сам антихристъ открыется во благочестіи испервa, и благочестію онъ самъ оучинитъ отступленіе; сего ради и погибельный сынъ наричется, яко нечестіемъ своимъ многихъ душа погубити имать, аще не трезвятся, і избранныхъ могутъ прелстити. И потомъ сказуетъ от власти на без-

начаdство нападетъ. И после себя приготовит, иныхъ да дѣлаютъ лютая. И по семъ согласно зѣло, яко люто воистинну дѣлаютъ оученицы его. И святый Иполитъ глаголетъ о немъ, оубо лстивнѣ прiемъ ложь беззаконный отречется славы своея; в синоѯарiи святiи отцы написали: и во Iерусалимѣ оуставится станомъ. И паки Ипполитъ глаголетъ, и храмъ каменемъ сотворишъ, иже в Iерусалимѣ. И Кирилъ святый пишетъ яко церковь древнюю Соломонову со инымъ богомолиемъ прелести ради создати покусится, совершенно же построити невозможетъ, и глаголетъ яко не мню ту верхи покрыты будутъ. Да во апокалиѱисах толковыхъ острожской печати пишетъ, яко антихристъ Христомъ себя образовати будетъ глаголя себѣ: воздвигъну скинiю падшую Давидову и изриновенная ея паки воздвигну. И таковымъ дѣйствомъ во всемъ себя извѣститъ быти Христа. И писано о немъ, яко лстецъ во всемъ хощетъ быти подобенъ Христу. И зѣло подобится Никонъ пагубникъ, яко построилъ Iерусалимъ в сѣверной странѣ, и рѣку Истру Иорданомъ преименовал и церков такову, какова во Iерусалимѣ построилъ, и в томъ своемъ лстивомъ Iерусалимѣ станомъ оустанился, и около своего лстиваго Iерусалима селамъ и деревнямъ имена новые подавалъ проти сущаго Iерусалима, Назаретъ и Виѳлиемъ и прочимъ, а иная оу него есть Галилейская пустыня, а горамъ тако же новые имена давал: иная гора Голгоѳа и прочее и прочее преименовалъ; чернцемъ молодымъ постригая имена давалъ херувимами и сераѳимами. И по семъ имеяй кто оумъ да разумѣетъ прелесть его: кому будеш в его новой преименованной рѣцѣ Иорданѣ креститися, да о семъ пишутъ святiи отцы: аще бы которой царь всею вселенною владѣлъ и ни единаго мѣста не нарекалъ Iерусалимомъ, яко единъ Iерусалимъ во всемъ свѣтѣ [1])...» Въ заключенiе — указанiе на значенiе числа 666 (1666 г.).

---

1) Рукоп. Погодина № 1552, л. 61—64.

Нельзя не согласиться, что здѣсь Авраамiемъ всѣ разрозненныя черты и знаменiя пришествiя антихриста примѣнительно къ патр. Никону подобраны послѣдовательно, въ историческомъ порядкѣ и даютъ достаточно яркую картину того состоянiя духа, которое господствовало среди ревнителей старины.

Подведемъ итоги разсужденiю Авраамiя объ антихристѣ.

Какъ указано было выше, онъ долженъ былъ прiйти отъ сѣверной страны: «глаголетъ пророкъ яко отъ сѣвера лукавство изыдетъ» [1]). На тоже указываетъ и Аѳанасiй Великiй. Слѣдовательно антихристъ явится въ Россiи. Но Iоаннъ Златоустъ и Кириллъ Iерусалимскiй говорятъ, что онъ явится въ Римѣ: и это справедливо, ибо Москва — третiй Римъ, первый же и второй давно во власти его. «Слово Ипполита» также указывало на Никона: «антихристъ исперва льстивно прiимъ ложь беззаконный отречется славы своея» и «возставитъ во Iерусалимѣ храмъ камененъ»; Никонъ — также самъ удалился съ патрiаршаго престола, и «построилъ Iерусалимъ въ сѣверной странѣ, и рѣку Истру Iорданомъ проименовалъ» и все устроилъ на подобiе его.

О Никонѣ, какъ объ явленномъ антихристѣ, проповѣдывалъ еще до 1667 г. монахъ Ефремъ Потемкинъ [2]), а позже около 1669 г. была пущена кѣмъ-то въ народъ тетрадка, въ которой дѣлалось сопоставленiе Никона съ антихристомъ: онъ, какъ указываетъ Писанiе, «премѣнитъ законъ и времена: сiя сотворилъ зломудренный Никонъ» [3]).

Iеродiаконъ Пименъ, жившiй временно при Софiйскомъ Новгородскомъ соборѣ, прiйдя изъ Соловецкаго монастыря, еще въ бытность Никона новгородскимъ митрополитомъ, якобы говорилъ иноку Корнилiю: «вѣси ли, яко Никонъ митрополитъ

---

1) Цитаты предположительно указаны П. С. Смирновымъ, тамъ-же, стр. 18, примѣч. 6.

2) Матер., VII, стр. 404. Смирновъ, стр. 22.

3) Тамъ-же.

антихристъ есть, ибо пятію персты, а не двоперстнымъ сложеніемъ благословляетъ люди»[1]). Центромъ такихъ взглядовъ былъ вѣроятнѣе всего Соловецкій монастырь, давшій не мало тенденціозныхъ разсказовъ о Никонѣ.

Въ Соловецкой челобитной по исчисленію пророчествъ о пришествіи антихриста Титина, число коего 666, авторы пишутъ: «то уже коего еще, Государь, паче сего искать намъ свидѣтельства, егда исполнися то шесточислie временъ, еже 666 лѣтъ[2]).

Неизвѣстный старообрядецъ XVII в., въ посланіи изъ Далматскаго монастыря въ Тюмень «объ антихристѣ и тайномъ царствѣ его», сводитъ въ общую картину, что̀ выше было сказано объ антихристѣ и сопоставляетъ его съ Никономъ:

«А что глаголется во многихъ же божественныхъ писаніихъ о рожденіи его, Ипполитъ папа римскій и святый Ефремъ Сиринъ и иніи мнози: родитъ бо ся отъ жены скверныя и индѣ: отъ дѣвицы нечистыя жидовки сущія, исперва будетъ кротокъ, тихъ, любезенъ, благоговѣинъ, миротворивъ и прочее, и того такоже нарицаетъ антихристомъ; ....будетъ кротокъ и милостивъ: тако и бысть; и сотворитъ церковь Соломоню, якоже во Іерусалимѣ — тако и бысть. И то совершися на Никонѣ еретикѣ»[3])...

Другіе, болѣе умѣренные, какъ діаконъ Ѳеодоръ, протопопъ Аввакумъ, попъ Лазарь, архим. Спиридонъ Потемкинъ утверждали лишь, что Никонъ есть предтеча антихристовъ, посланный предуготовить путь своему господину[4]).

Это мнѣніе, какъ высказанное болѣе авторитетными учителями и какъ менѣе поколебленное послѣдующими событіями, прочнѣе укрѣпилось въ средѣ старообрядцевъ и было поддержано цѣлымъ рядомъ повѣстей и легендъ.

---

1) Рукоп. И. П. Б. Q. I, № 1058, л. 49 об.
2) Рукоп. Моск. Публ. и Румянц. Муз. № 252, л. 39 об.
3) Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. I, № 489, напеч. П. Смирновымъ, стр. 025.
4) П. Смирновъ, стр. 6, 9, 12 ;24—27.

Какъ бы тамъ ни было, «знаменія многа совершишася, къ тому жъ и вѣрѣ христіанской поврежденія явишася; и сіе знаменитъ быти и кончинѣ вскорѣ міру всему» [1]).

Ревнитель старины чувствовалъ себя подавленнымъ всей массой нахлынувшихъ нововведеній и со страхомъ припоминалъ пророчество Симеона Дивногорца: «Сего ради въ нынѣшняя времена исполняется на насъ святого Симеона Дивногорца пророчество глаголющее (Прологъ, маия 13), яко отъ тмы человѣкъ, сирѣчь десяти тысящъ едва единей обрѣстися души въ нынѣшнихъ временехъ спасающейся» [2]).

Самое дорогое — вѣра была попорчена рукою врага: «Никонъ со ученики своими не худое нѣчто превратилъ въ церковныхъ дохматехъ, но всю истинную вѣру изгубилъ и всю вселенную превратилъ на нечестіе и велми возмутилъ» [3]).

...«Увы, увы, постиже насъ злая бѣда, вѣчная погибель!» восклицаетъ инокъ Авраамій. «Яже послѣдующи ученію ихъ, новымъ проповѣдникомъ, не имуть вѣдѣти живота вѣчнаго. Они же сами, елико болѣ правити (т. е. книги), толико глубѣе снидуть во дно адово» [4])...

Необходимо было предостеречь вѣрующихъ отъ злоухищреній антихриста, оберечь ихъ отъ его слугъ — проповѣдниковъ «новой вѣры». Но вышеприведенныя устрашенія видимо казались слишкомъ слабыми, не достигали цѣли: нужно было нѣчто болѣе дѣйствительное, способное повліять на воображеніе массы. Такимъ дѣйствительнымъ средствомъ явились легенды о патріархѣ Никонѣ, къ обзору которыхъ и перейдемъ.

---

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ. О. I, № 209, л. 51.
2) Рукоп. кн. Вяземскаго О. VI, л. 293 и обор.
3) Рукоп. Погодина 1552, л. 60.
4) Тамъ-же л. 60 обор.

III.

Разъ сложилось такое представленіе о Никонѣ, какъ о предтечѣ антихриста, — естественно, народная молва, охотно ловящая и распространяющая самые невѣроятные слухи, не замедлила подхватить тѣ росказни о патріархѣ, которыя исходили главнымъ образомъ отъ лицъ, такъ или иначе обиженныхъ Никономъ или проникнутыхъ духомъ фанатической ненависти къ нему.

Вожди раскола, наиболѣе грамотные, охотно даютъ вѣру этимъ слухамъ и облекая ихъ въ литературную форму, пользуются ими какъ оружіемъ противъ ненавистнаго нововводителя. Почти всѣ эти разсказы о Никонѣ, представляя собой плодъ досужей, но злобно направленной фантазіи, слѣдятъ за всей жизнью Никона и сообщаютъ о немъ свѣдѣнія одно другого нелѣпѣе и невѣроятнѣе. Разъ легенда создалась, облеклась въ литературную форму и получила распространеніе въ народной средѣ, — тѣмъ самымъ она сдѣлалась историческимъ фактомъ, небезъинтереснымъ для характеристики настроенія дѣятелей и современниковъ перваго времени раскола.

Самое рожденіе Никона, въ мірѣ Никиты, необыкновенно: отецъ у него черемисинъ, а мать русалка, «Минка да Манька» говоритъ протопопъ Аввакумъ въ посланіи къ Іонѣ; а въ другомъ мѣстѣ пишетъ, что матерью Никона была едвали не татарка [1]). «Сказаніе о Никонѣ патріарсѣ» говоритъ: «не у во иноческая внѣде, отъ святыхъ отецъ предвидѣся, смутитель русскія земли многомятежный; о родѣ его: яко курмышанинъ бяше, і о благополучіи, яко убогъ и сирота бѣ; житіе Никоново въ мірѣ: яко остроже лчивъ, яростивъ, и злопамятливъ; иже попомъ бяше, жену имяше піянчиву и оплазиву. Ея ради

1) Смирновъ, стр. 28.

ушедъ пострижеся во мнихи не въ монастыри коемъ, ниже въ пустыни, ниже въ повиновенiи живяше, но въ монастырстемъ дому отъ скитающихся iеромонахъ» [1]).

Таковы были первые шаги Никона въ старообрядческой легендѣ о немъ. Они еще не обличаютъ въ немъ сознанiя своего будущаго отступничества; даже напротивъ—самъ Никонъ какъ бы не вѣритъ въ свое будущее. «Нѣкогда же поиде... во ину обитель, и случися имъ обнощевати у нѣкоего татарина, волхва суща, иже волшебствомъ своимъ сказоваше комуждо хотящая быти; волхвуя же скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, сему Никитѣ рече, яко: «ты будеши государь великiй». Онъ же, слышавъ, отиде, не надѣяся збытися прорицанiю».

Слѣдующiй баснословный разсказъ застаетъ Никона въ Анзерской обители. Вѣроятно здѣсь онъ былъ принятъ не особенно дружелюбно, такъ какъ изъ среды иноковъ этого и сосѣдняго, Соловецкаго, монастыря былъ пущенъ въ народъ такой слухъ о видѣнiи старцу Елеазару: «Повѣдаше отецъ Корнилiй, яко слыша(хъ) отъ соловецкихъ старецъ о Никонѣ. Некогда бывшу Никону въ церкви, нача чести святое евангелiе; божiимъ же изволенiемъ откровенно бысть игумену монастыря того, Елизару именемъ, о Никонѣ: егда нача чести еѵангелiе, видѣ около выи его обвился змiй великiй черный, пестръ и по плещама лежащь. Восплакася горко [Елиазаръ] и недоумѣнiя исполнися, помышляше, что есть сей человѣкъ окаянный, и глагола къ братiи вслухъ всѣмъ: О братiе, аще бы кто сего старца убылъ, азъ бы грѣшный умолилъ Бога за него» [3]). Никонъ убѣжалъ отъ гнѣва старца, но не одинъ, а также и «соло-

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 221.

2) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, л. 46 об.

3) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № III, л. 41 об.—42; тоже съ небольшими варiантами въ рукоп. Имп. Публ. библ. Q. I, № 401, л. 175. Въ нѣсколько иной редакцiи: рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, 1058, л. 47 и кн. Вяземскаго О, № V, л. 221 об.; здѣсь Елеазаръ восклицаетъ: «О, какова смутителя и мятежника Россiя въ себѣ прiятъ и питаетъ; сей смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясенiй и бѣдъ исполнитъ»...

вецкихъ двухъ старцовъ прельсти с собою въ бѣжание»[1]). Тотъ же источникъ изъ котораго почерпнуты послѣднія строки, глухо упоминаетъ «крадение монастырскихъ припасовъ» и «злобное воздаяніе человѣкомъ за непревозъ чрезъ рѣку», и ссылку ихъ въ то время, когда Никонъ уже былъ во власти.

Далѣе біографъ-старообрядецъ передаетъ о томъ, какъ архіереи Аѳоний и Варлаамъ предчувствовали въ Никонѣ предтечу антихриста и въ чемъ выразилось это ихъ предчувствіе.

Митрополитъ новгородскій Аѳоній, впавшій въ старческую слабость и слѣпоту, долженъ былъ удалиться на покой, въ монастырь на Хутынѣ, «и ту безмолствуя позлащаше свою архіерейскую паству верхомъ добродѣтелей, смиреніемъ» (л. 48 об.). Никонъ, поставленный патріархомъ Іосифомъ на Новгородскую митрополію, прибылъ въ Новгородъ и, по выраженію повѣсти, «приходитъ той лукавый лисъ въ Хутынскую Спасову обитель посѣтити предивнаго святителя Авфонія. И пришедъ въ келію его, прошаше благословенія». Отвѣтивъ на вопросъ Аѳонія, кто онъ такой, Никонъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Авфоній же духомъ пророчествія предзря хотяще быти отъ Никона всему православію томительство, вельми отъ всея души воздохнувъ и рече: «пріиде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ! Но волѣ божіи оставляемъ о насъ полезная предусмотряти»... «Егда же приближися блаженный Авфоній митрополитъ къ концу жизни своея, заповѣда сущимъ при немъ, да призванъ будетъ архіерей отъ другія епархіи погребсти тѣло его, Никонъ же да не дерзнетъ погребсти его, зане рече, врагъ есть божій»[2]). «Сказаніе» передаетъ тотъ же случай нѣсколько короче, но называетъ имя архіерея, погребшаго митрополита Аѳонія: это былъ псковской архіепископъ[3]).

Разсказавъ о разныхъ нововведеніяхъ Никона въ бытность

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 222.

2) Имп. Публ. Библ. Q. I, 1058, л. 48 об. и сл. этотъ эпизодъ у Шушерина (Житіе п. Никона, стр. 17—18) разсказанъ совершенно иначе.

3) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 222 об.

его въ Новгородѣ, біографы переходятъ ко второму авторитетному въ ихъ глазахъ предсказанію высшаго духовнаго лица о Никонѣ.

Когда Никонъ возвращался изъ Соловецкой обители въ Москву съ мощами св. Филиппа, былъ въ Москвѣ митрополитъ ростовскій и ярославскій, «святый» Варлаамъ, который былъ «лѣты старъ зѣло и благодати святаго Духа исполненъ и пророческимъ даромъ сіяше».

Вмѣстѣ съ другими онъ выѣхалъ на встрѣчу и неминуемо долженъ былъ встрѣтиться съ Никономъ. Идя поддерживаемый ближними людьми (*вар.* архидіаконами), онъ молился: «Господи, не даждь мнѣ видѣти очима моима лютаго сего звѣря (сіесть Никона), хотящаго попрати всю вселенную» [1]). И Богъ услышалъ молитву старца: «егда доидоша мѣста другъ ко другу, яко быти единымъ точію камени верженіемъ, испроси святый Варлаамъ сѣсти въ кресла, и абие предаде духъ свой Господеви, его же возлюби». Авторъ «Сказанія» нѣсколько иначе изображаетъ смерть митрополита Варлаама: «абіе подломишася ему нозѣ и на рукахъ поддержащихъ свою душю Господеви предаде», тѣло же его, — добавляетъ для большей достовѣрности и внушенія страха читателю авторъ,—полгода лежало въ Москвѣ нетлѣнно и цѣло и отвезено такъ въ Ростовъ [2]).

Но, несмотря на такія грозныя предвѣщанія, Никонъ вступаетъ на патріаршій престолъ и энергично принимается за дальнѣйшія нововводительства. Къ этому-то времени и относится большая часть пасквильныхъ разсказовъ, вѣроятнѣе всего сложившихся если не во время патріаршества, то во время пребыванія Никона на покоѣ, когда враги его и его нововведеній подняли головы и начинали думать, что успѣхъ склоняется на

1) Такъ въ рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, л. 50 об.; въ «Сказаніи» — нѣсколько иначе: «Владыко всесвятый, не даждь ми видѣти сего многомятежника, всероссійскаго смутителя, хотящаго новымъ ученіемъ поколебати святую церковь. Но сотвори со мною знаменіе по велицѣй милости твоей, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь». Рукоп. Вяземскаго О. № V, л. 224.

2) Рукоп. кн. Вяземскаго. О, № V, л. 224 об.

ихъ сторону, и потому не щадили архипастыря, распространяя о немъ невѣроятнѣйшія сплетни и слухи.

Прежде всего біографы-старообрядцы, чтобы внушить сугубое отвращеніе къ Никону, бросаютъ на врага обвиненіе въ постыдномъ порокѣ. Въ одномъ изъ сочиненій о Никонѣ, именно въ «Повѣсти о рожденіи, о воспитаніи» и т. д. лишь вскользь упоминается, что въ это время «богоотступная его святыхъ образовъ, Спасова и Пречистыя Богородицы, скверными его ногами попранія и гнусная содомская мужеложства послѣди показашася» [1]).

Приписки къ житію инока Корнилія подробнѣе сообщаютъ о послѣднемъ случаѣ, даже приводятъ свидѣтелей преступленія: «Повѣдаше намъ той же отецъ Корнилій, былъ у того Никона подьякъ меншей статьи, Иванъ, прозваніемъ Ладошка; повѣда другу Феодору, вышеименитому (въ «житіи»), подьяку же, иже послѣди во инокахъ нареченъ бысть Филиппъ, како той окаянный Никонъ его, Ивана Ладожку, подпоя осодомствова. Тотъ же подьякъ все повѣда о себѣ Феодору, како его осквѣрни. Увидавъ же сіе Никонъ, что дѣло его вслухъ вниде, тогда того безъ вѣсти сотвори» [2]).

Разсказъ о томъ, что Никонъ попиралъ образа Спаса и Пречистой, нося ихъ въ башмакахъ, былъ тонко расчитанъ на народное почитаніе образовъ. Этотъ разсказъ извѣстенъ какъ въ отдѣльномъ изложеніи, такъ и въ связи съ другими разсказами, какъ бы дополняя ихъ. Поэтому мы теперь на немъ останавливаться не будемъ, а перейдемъ къ слѣдующимъ разсказамъ, въ которыхъ особенно ярко выражается вѣрованіе въ существованіе тѣсной связи Никона съ діаволомъ-антихристомъ.

По прибытіи Никона въ Москву, было нѣкоему Симеону видѣніе, о которомъ съ нѣкоторыми отмѣнами разсказывается и

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, л. 47 об.—48.
2) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 401, л. 174 об. и сл.

въ «Повѣсти душеполезнѣй о житіи преп. отца нашего Корнилія» и въ «Повѣсти о рожденіи п. Никона». Приводимъ сначала это видѣніе по первому источнику.

«Тогда въ Чюдовѣ монастырѣ нѣкоему старцу, святу мужу именемъ Симеону, яви Богъ въ нощи видѣніе сицево: Змій великъ пестрый и страшенъ зѣло обогнувся около царскихъ палатъ, главу и хоботъ имѣющь въ палатахъ царьскихъ и шепчющь во ухо царево. Егда же возбудися старецъ, повѣда соборной братіи; старцы же сего не положиша въ забвеніе, но испыташа извѣстно, что въ ту нощь бесѣдова царь съ Никономъ; обаче про то никтоже моглъ вѣдати, что глаголали. Старцы же повѣдоше и другимъ старцемъ; удивляхуся вси и недоумѣвахуся, что хощетъ збытися» 1). Нѣкоторые же, вспомнивъ выше приведенное предсказаніе патр. Θеофана, ожидали гоненія на церковь Христову.

Позднѣйшая, уснащенная риторическими отступленіями «Повѣсть», указываетъ, что означенное видѣніе было старцу Михайловскаго монастыря Симеону. Самое положеніе змѣя иное: «обогнувся около царскія грановитыя полаты, яже въ Кремлѣ и ужасную свою лютымъ ядомъ дышащую главу и грозно прегибающійся ошибъ вложивъ на прагъ тоя полаты лежаше». О предсказаніи патр. Θеофана — ни слова, а мысли старцевъ по поводу видѣнія излагаются такъ: «Видѣніе же змія того прежде помянутіи Чюдова монастыря старцы не просто быти вмѣняху, поминающе древняго змія въ Византіи съ орломъ сплетшася 2) его же христіане убиша. И то убо зміево со орломъ сплетеніе преобразоваше впередъ быти хотящее турецкое христіаномъ насиліе. Подобно тому и въ Римѣ по ҂а лѣтъ отъ Рождества Христова явивыйся на воздусѣ змій нѣкій страшный, иже явно указа антихристово со отступленіемъ въ Римъ пришествіе. И сіе поминающе бояхуся дабы и въ Россіи не возникло что новое» 3).

---

1) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № III, л. 10 и слѣд.
2) На полѣ ссылка: «кн҃г[а] степ[енная]».
3) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1088, л. 50—51.

Быть можетъ на возникновеніе такого представленія о царской палатѣ, окруженной зміемъ повліяло извѣстное сказаніе о Вавилонскомъ Царствѣ, съ его городомъ Вавилономъ, окруженнымъ гигантскимъ зміемъ, не пропускающимъ никого внутрь города. Такая невольная реминисценція возможна и потому, что по своему содержанію названная повѣсть должна была особенно нравиться ревнителямъ старины, сплетавшимъ новые разсказы на старой чисто литературной почвѣ.

Всѣ эти разсказы и ихъ толкованія являлись какъ бы подготовительными для признанія въ Никонѣ предтечи антихриста. Въ двухъ же разсказахъ: нѣкоего Димитрія о величаніи Никона бѣсами,—и о сошествіи Никона во адъ, мы видимъ уже какъ бы попытку наглядно подтвердить мнѣніе о таковомъ назначеніи Никона.

Повѣсть о Димитріи, едва не удавленномъ отъ бѣсовъ, извѣстна намъ въ двухъ спискахъ. Пользуемся первымъ изъ нихъ, болѣе новымъ, но сохранившимъ болѣе простой складъ, неукрашенный слогъ, хотя оба списка очень сходны и разнятся лишь въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

«О томъ же Никонѣ хощу вамъ братія сицеву вещь повѣдати», начинаетъ авторъ свой разказъ, слышанный имъ «отъ соловецкихъ старцевъ и страдалецъ христовыхъ иже скончашася въ Палеостровскомъ монастырѣ»...

«Бысть нѣкто христіанинъ именемъ Димитрій, жительствомъ съ Волги, откуду же и той самъ Никонъ изыде, сосѣдъ бо ему бяше. Некогда Димитрій уловивъ рыбу осетра и восхотѣ тое царю явлена сотворити; вземъ ю и привезѣ къ Москвѣ и помысливъ себѣ не явити царю, но [рече] есть знаемый мнѣ сосѣдъ, патріархъ Никонъ, ему поклонюся. Тако совѣщахъ въ себѣ, и глаголахъ добрѣе быти; иде къ нему и сказа. Онъ же по премногу возлюби и благослови его и повелѣ ему у себе въ полатѣ пребывати, и напоивъ его питіемъ со удовольстіемъ, и въ другой полатѣ повелѣ ему опочивать. Минувшу нѣколико время проспася Димитрій и посмотрѣлъ скважнею въ двери и видѣ

его, окояннаго Никона въ большей полатѣ отъ множества бѣсовъ почитаема, и любезно лобызаема, и на престолѣ посаждаема, и яко царя величающа (*вар.* величаема) и вси поклоняхуся ему глаголюще: «всѣмъ воистину любезный ты намъ другъ есть и наибольшій братъ намъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина Сына изгнати и низложити и одолѣти. Точію се неладно сотворилъ: чесо ради человѣка пустилъ еси къ себѣ спать, видитъ бо вся наша дѣйства. Иди, удави его». Онъ же глаголаша къ нимъ: «другъ ми есть любезной, сосѣдъ ближній». — Паки глаголаша: «иди, удави».— Онъ же отвѣща: «азъ шедъ искушу его». И пришедъ къ нему нача его побуждати. Той же претворися весма, аки спя и ничтоже свѣдуща. Никонъ приближися къ нему и нача иглою копать пяты ногъ спящаго, и не единократно искушая его. Спящій, почювъ болѣзнь, и весма отъ великія нужды укрѣпися и нача роптать всячески, глаголя: «азъ отцу моему Никону объявлю!» — обаче паки нача спать. Никонъ же отыде и возгрохота. И егда Никонъ пойде въ соборъ, мене же остави, аки спяща; азъ же востахъ, истрезвихся и ощутивъ болѣзнь въ пятахъ моихъ и едва возмогъ ходить, и такъ воспріяхъ ужасъ». Но этимъ не кончились страхи Димитрія. Особенно убѣдило его въ дѣйствительности видѣннаго обстоятельство, описанное Кирикомъ въ особомъ разсказѣ: это образъ и крестъ въ туфляхъ Никона. «И шедшу ми», разсказываетъ Димитрій: «въ ложницу, и видѣвъ у мѣста ступни чернаго бархата, и посмотрихъ внутрь и выняхъ стелки добраго сукна и начахъ згибати и ощути въ нихъ нѣчто; и мало разрѣзахъ и видѣхъ у окояннаго врага божія во единой стелки образъ пресвятыя Богородицы изъ тонкаго сребра, во другой — крестъ трисоставный, такъ же исъ тонкаго сребра. И паче велми устрашися и въ большее недоумѣніе и страхъ впадахъ, помышляя, како отъ друга своего избыть. И егда пріиде изъ собора и вопроси мя, како или видѣлъ что, и глагола ему: «ничтоже не помню, владыко святый, токмо пяты болятъ и опохмелиться хотятъ». И той нача смѣятися, и опохмеливъ мя

довольно и благословивъ, отпусти мя съ миромъ; и пріидохъ во своя и вся случившаяся многимъ повѣдахъ»[1]).

Человѣку, угостившемуся и притомъ «со удовольствіемъ», конечно, могло привидѣться многое подобное тому, что̀ видѣлъ Димитрій, и объяснить появленіе приведеннаго только-что разсказа — не представляетъ ничего затруднительнаго.

Гораздо сложнѣе по составу и вмѣстѣ съ тѣмъ проще по своей формѣ, литературно необработанной, является найденная нами въ рукописи Кіевской Духовной Академіи повѣсть о схожденіи души Никона въ адъ, въ то время, какъ тѣло его лежало въ келіи «аки мертво». Мы сообщаемъ эту повѣсть полностью (лишь измѣняя знаки препинанія и раскрывая титла), такъ какъ до сихъ поръ она была неизвѣстна въ печати: даже въ трудѣ П. С. Смирнова, богатомъ данными, извлеченными изъ рукописей, о ней нѣтъ упоминаній.

«Повѣсть о ерархѣ нашемъ Никонѣ чюдна зѣло, достойна слышанію сотворити, да познаютъ вси боящїися Господа и не надѣются на его дѣйствіе.

«Что сей ерархъ сынъ сопротивника діявола отца нижайшаго сатаны; скрыша бо въ сосудъ свой лукавый сію же повѣсть, да не мнитъ нѣкто ничто же быти, но истинно бысть; но мы, смиренніи иноцы, во объявленіе произведемъ, да не покровенно будетъ жало зміево смертоносное, паче же да познано будетъ и не утасно, тако бо Богу изволившу объявити и на среду извести; мы же нынѣ, иноцы, осуждены на смерть Бога ради и вѣры Его православныя и сѣдимъ въ оковахъ на лѣдникѣ, ожидаемъ съ часу на часъ смерти; и нынѣ, помянувше писаніе братьскаго паденія, паче своея души оплаковати отступленіе отъ вѣры и умершихъ вѣрныхъ безвѣріемъ (?). Нынѣ пришедшій братъ къ намъ, ближній слуга и вѣрный отъ страха нашего, (бѣ у него служаше усердно, паче иныхъ), повѣда намъ тайну сію; нынѣ же и онъ съ намъ во

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № III, л. 35 об. и сл., и Имп. Публ. Библ. Q. I, № 401, л. 175—177.

узахъ связанъ бысть, смерти же ожидаетъ за вѣру Христову. Во дни сіи сказаше намъ сіе, како нашъ ерархъ чюдодѣйствитъ. Нѣкогда скидываетъ съ него сапоги и обрѣте оу него во единомъ сапозѣ крестъ животворящій под пятою, а у другія ноги положенъ образъ Богородицынъ, вышитый шелкомъ зѣло хитро и с подписаніемъ, и трость, и копіе. Онъ же вземъ, и зѣло убояся, и не смѣлъ его вынять, и печаленъ бысть зѣло и не возвѣсти никому же, помышляя в себѣ точію, что будетъ той антихристъ, сынъ преисподняго отца сатаны, погубитель вѣры православныя и всей вселеннѣй врагъ и томитель. Паки, мало время спустя, другое чюдо бысть. Во утріи отца своего ерарха оумерша и бездушна на одрѣ лежаща и покрыта яко бы скатертїю зрю недвижима и безъ дыханія и безгласна лежаща; три часа ходилъ около его — мертвъ бывше, не смѣю коснутися: страхъ велій мя обдержитъ. поиде по обычаю на дворъ монастырской, повѣдати хощу прочимъ, что мертвъ лежитъ ерархъ нашъ Никанъ. Входящу ми на дворъ, и видѣ врата отворяюща, отецъ же ерархъ въ колесницѣ сѣдя и слуги многими обстоимъ. Азъ же видѣхъ его страхомъ яко мертвъ себѣ вмѣнихъ. И невѣмъ, что творити или глаголати; отложихъ мало по малу страхованіе и падохъ пред нимъ ницъ и повѣдохъ его под руки в кѣлію его. Егда затворихъ двери и видѣхъ его сѣдяща на стулѣ, а мертвеца не стало,—и тогда наиболѣ страхъ нападе на мя: стояти не могу, а спросити не смѣю. Онъ же видѣхъ мя оужастію объята рече ми: «что тако трепещеши чадо?» Мнѣ же ничтоже вѣщающа, токмо падохъ на землю. Онъ же паки рече ми: «что тако лице твое побледнѣ». Азъ же со страхомъ нача его вопрошати: «отче, како в вечеръ на одрѣ легъ, а в нощи путь шествова, а тѣло твое на одрѣ мертво лежало?» Онъ же, мало осклабився, и рече: «чадо, буди ми вѣренъ до конца, заклинаю тя отцомъ моимъ и Богомъ, что никому не возвѣсти; бывшее ми явлю ти нынѣ». Азъ же падохъ пред нимъ: «повѣдай ми отче, могу сію тайну носити». Онъ же нача подробну сказовати. «Слыши, чадо, и преже ты оувѣдѣ тайну

мою и никому не возвѣсти и тепѣрь слыши, гдѣ шествіе мое было. Былъ я во адѣ, кромѣ плоти моея; совѣтовали со отцемъ и со князи его: нынѣ время ему настало царствовати на земли[1]) разширися, что дѣ власть наша распространися, что мои дѣ предотечи оуготовали мѣсто сыну моему, и вся дѣ воля моего хотѣнія исполнися, и даю ти власть [да?] во всякой ихъ мнѣ работають и служатъ души. И ты сотворилъ еси оугодное мнѣ— во всѣхъ пѹтехъ духовныхъ бразды шествіи моему пути, да иже ходящіи по пути сему ко мнѣ пріидутъ и славятъ мя.»

«Сынѣ мой и сосудѣ мой, оудобрю тя и возвеличю тя, яко ты любезно содѣла ми, превратилъ еси солнце на западъ, положи тму за кровъ свѣта, и горесть моя оусладися тобою, сынѣ и дѹше мой любимый. Токмо исполни мое хотѣніе любезно, да егда повелиши мыть, то мый, а имя мое нарицай, на главы не вѣшай оужасти моея[2]) на нитѣ; егда время есть человѣку ясти хлѣба,—тайнаго знаменія страшнаго не клади на немъ!»—

Я же к нему рекъ: «все оустроилъ по твоему хотѣнію и все обратихъ, яко ты повелѣваешъ, но сего не могу сотворити, чтобы имя твое на помытїи бани именовати; по трижды помыти велю и трижды имя нареку тройческое существо, да покрыю ипостаспо». Онъ же иже слыша свирѣпо на мя возрѣ, я же паки рече к нему: «Не бойся отче мой, оуже оустроено все на твое хотѣніе: токмо ради зрящихъ покрыю вышнимъ именемъ, да не всякъ нашу глубину вскорѣ познаетъ, ино иже мноѕи избранїи подъ нашимъ знаменіемъ оукровени будутъ, и ѕасимъ будетъ нашъ корень, а по корени и вѣтви: аще вѣтвіе и не наше, но корень нашъ. Не страшися отче мой, духъ небесный не пріидетъ к намъ и никоего помѣшательства не имать сотворити намъ, понеже въ молитвахъ твое имя въ кратцѣ под закономъ много свойствено тебѣ». И тогда отецъ скочи со престола, возложи вѣнецъ на главу мою. —«Радость ты моя, веселіе на престолѣ моемъ, яко Сынъ Марїинъ побѣди мое царьство, ты же,

1) Вѣроятно здѣсь, что-то опущено предъ словомъ—разширися.

2) Т. е. креста (послѣ крещенія).

отецъ, адъ полонъ сотвориши[1]) его». И нача многократно лобызати мя и повелѣ кровь святыхъ проливати».

«Той же оученикъ со слезами сіе повѣди при многихъ братіяхъ, сіе же отцы святіи слышавше страха и слезъ полны быша и сотворима, что которые преже паденія и настатія времени сего злаго быша христіяны отступившія от православныя вѣры к Никонову костѣлу, то тѣхъ повелѣваше пріимати подъ началъ. А которые родишася послѣ паденія — завѣтъ положиша паки крестити безъ сомнѣнія, понеже числити его ереси невозможно, что святое писаніе всѣхъ еретиковъ презлѣйше ҂ахѯѕ (1666) будетъ, что намъ Господь рече отъ начатку созданія божія не быша таковое время. И паки пишетъ Петръ Дамаскинъ: «возстанетъ старецъ на сѣверной странѣ, всѣхъ еретикъ древнихъ ересьми превзыдетъ и вѣру Христову побѣдитъ и истинну поперетъ и возненавидитъ и лжу возлюбитъ» [2]).

Цѣль, съ какой была составлена эта повѣсть, обнаруживается изъ ея содержанія: это—желаніе оправдать и доказать необходимость перекрещиванія перешедшихъ въ расколъ «никоніанъ».

Все изложенное старцами со словъ слуги Никона,—вѣроятно того Кирика[3]), который не мало распускалъ слуховъ о своемъ бывшемъ господинѣ — не имѣя и тѣни исторической вѣроятности, отражаетъ въ себѣ народныя вѣрованія и представленія объ оборотняхъ, весьма распространенныя и понынѣ. Это происшествіе, разсказанное «при многихъ братіяхъ», о схожденіи патріарха Никона во адъ, могло получить тѣнь вѣроятія только при сильной увѣренности и разсказчика и слушателей въ томъ, что Никонъ дѣйствительно есть «предотеча» антихриста.

На участіе Кирика въ написаніи этой повѣсти указываетъ

---

1) Рукоп.: «сотвошиши».

2) Рукоп. Церковно-Археол. Музея при Кіевской Духовной Академіи, № 54 (Аа. 150), л. 61 об.—67.

3) А можетъ быть и Іоны, о коемъ ниже.

присутствіе здѣсь въ сокращеніи разсказа его о крестѣ въ туфляхъ патріарха. Соловецкіе же старцы — какъ видно изъ всего обзора повѣстей о Никонѣ—всегда принимали дѣятельное участіе въ распространеніи всяческихъ злобныхъ вѣстей о ненавистномъ имъ нововводителѣ.

Основываясь на началѣ повѣсти, можно догадываться о мѣстѣ написанія ея, а также и о времени. Кто были эти сидящіе въ оковахъ на ледникѣ, ожидая казни?

Нашу повѣсть, какъ кажется, можно поставить въ связь съ событіями 1676 г., когда по взятіи Соловецкаго монастыря десять человѣкъ было сослано въ Пустозерскъ; діаконъ Ѳеодоръ такъ говоритъ объ этомъ: «и того лѣта прислано къ намъ въ Пустозерье, въ ссылку Соловецкаго монастыря того десять человѣкъ трудниковъ» [1]).

Въ той же рукописи, изъ которой мы извлекли повѣсть, далѣе говорится: «той Никонъ злокозненный Аввакума протопопа въ ссылку сослалъ и иныхъ (л. 72) съ нимъ священники пострадаша за вѣру Христову. И повелѣ Никонъ злый мучити непріемлющихъ его и потомъ къ намъ въ Соловецкой монастырь пріиде ученикъ его и слуга и повѣда намъ его злый замыслъ со Арсеніемъ (грекомъ) злымъ еретикомъ и со студитомъ зміемъ коварнаго врага Божія, совѣтника сатанина, Титина [2]) преисподняго».

Съ точки зрѣнія чисто литературной эта повѣсть не отличается достоинствами и имѣетъ видъ черноваго наброска или протокольной записи. Основной сюжетъ, какъ и подробности являются въ значительной степени отзвуками популярныхъ памятниковъ древнерусской литературы, особенно чтившихся ревнителями старины. Схему схожденія въ адъ могло дать чрезвычайно распространенное въ спискахъ XVII в. (извѣстно съ XII в.)

1) Матеріалы для ист. раск. VI, 94.

2) Титинъ есть «якоже Иполитъ рече о немъ: агнецъ неправедный, злый вождь, потрясетъ велми Титинъ, еже есть преисподній бѣсъ; то есть имя самое звѣрю. и лѣта ҂ха҃з. годъ дондеже пріидетъ и воцарится въ третиемъ Римѣ»... Рукоп. кн. Вяземскаго О. № VI л. 168.

«слово Евсевія Самосатскаго о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи», представляющее собой переработку Никодимова Евангелія. Нѣкоторыя частности объясняются тѣмъ же путемъ. Такъ въ эпизодѣ о чествованіи Никона мы имѣемъ повтореніе чисто эпическаго характера: въ повѣсти или «словѣ о сотвореніи злаго душепагубнаго хмельнаго питія» сатана, услышавъ объ изобрѣтеніи «пьянаго бѣса»—«воста с престола своего и з бѣсы поклонися ему до земли и воздаша ему хвалу и честь вѣлію: и посадиша его на крт҃ле своемъ и положꙋ (?) на главу его вѣнѣцъ, и облече его в порфирꙋ, и даде ему || скипертъ цр҃кій и нарече имя емꙋ піѧный бѣсъ» [1]). Вѣроятно эта картина возникла не безъ вліянія подробностей Слова о чародѣѣ Меситѣ, читающагося въ прологѣ подъ 2 декабря, повліявшаго и на детали повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ.

Трудно сказать въ какой связи стоитъ разсказъ келейника объ обѣщаніи Никона говорить про себя молитву при крещеніи не Богу, но діаволу. Съ этимъ мѣстомъ можно сопоставить мѣсто изъ посланія протоп. Аввакума «...жаль мнѣ младенцевъ (крещенныхъ по новому): а воду святить аще и истинной крестъ погружаетъ, а молитву диявольскую говоритъ» [2]).

Формы народнаго языка, пробивающіяся сквозь условную церковно-славянскую манеру, подтверждаютъ предположеніе о происхожденіи этой записи сказанія гдѣ нибудь на сѣверѣ—можетъ быть въ самомъ Пустозерскѣ. Упоминаніе на л. 72: «страдалецъ Аввакумъ священный мужъ», а не «священномученикъ» или «священнопротопопъ», какъ именуется онъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ старообрядческой литературы, указываетъ, можетъ быть, на древнее происхожденіе нашего сказанія и позволяетъ отнести его къ концу XVII в.

Ненависть къ Никону, полная фанатизма, преслѣдовала его и въ заточеніи. И тамъ онъ казался предотечей антихриста, а инымъ—и самымъ антихристомъ, лишь временно удалившимся

---

1) Рукоп. Синод. Архива № 834, сборн. XIX в. 8° № 70 об.—71.

2) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № VI, л. 243.

отъ міра, чтобы снова явиться во всеоружіи губительной злобы.

Опираясь на слова монаха Іоны, жившаго при Никонѣ въ ссылкѣ, разсказывали о его чудесныхъ и таинственныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Ѳерапонтова монастыря на озерѣ, на каменномъ островѣ Никонъ водрузилъ крестъ и къ нему часто по захожденіи солнца подъѣзжалъ на лодкѣ и волшебными заклинаніями вызывалъ діавола обнималъ и цѣловалъ его, а потомъ обыкновенно распрашивалъ, что̀ о немъ, Никонѣ, говорятъ въ народѣ.

«Живыи же в Ферапонтовѣ обители и еще дышаше лукавство̃ лицемѣрїя. ѡ̓брѣте бо мѣсто на езерѣ томъ идѣ<же> обитель стояше, в разстоянїи от монастыря яко два поприща. И ту набра каменну лу̇ду или островъ, длиною дванадесяти, шириною же пяти саженъ, и ту водрузи крестъ [съ] надписаніемъ яко поставленъ бысть той крестъ никономъ <па>тріархомъ сущи̃ въ заточеніи.

«И убо сій змій лжепророкъ являяся людемъ креста Господня усердный почитатель, а распятаго на томъ Христа и рождашія его богоматере святыхъ образовъ презлѣйшїй тайный поругатель [1]). Ибо и сего креста поставленная кознь, чесо ради устроена, слышите. Понеже убо сущу въ монастырѣ подъ присмотромъ архимандрита и головы [2]) трудно бяше ему богоотступно съ непрїязненными духи бесѣдовати; того ради и умысли поставити сію луду [небяше бо удобна ему острова (л. 70 об.) на езерѣ томъ] и на ней крестъ водрузи, да подъ именемъ поклоненія и прогулу получитъ отъ хранящихъ его властей свободу, на ту состроенную имъ луду ѣздити. На той же островъ отъѣхавъ, часто по захожденіи солнца со своимъ ему единомудреннымъ воскресенскаго монастыря монахомъ Іѡною, хитрымъ рѣсчикомъ сущимъ и своими скверными волшебными

1) Рукоп.—«почитатель»—очевидно ошибочно.

2) Аггея Шепелева.

призываніями призываше діавола; той же исхождаше к нему во образѣ змія страшна и велика, его же Ніконъ объемъ цѣловаше скверными его усты, въ смертоносны и ядомъ кипящіе уста цѣловаше, и вопрошаше, что о немъ въ народѣ глаголютъ, и что гдѣ дѣется. Той же вся сказоваше ему и тако бесѣдуя съ непріязнію, яко съ возжелѣннымъ своимъ другомъ, возвращашеся во опредѣленное ему мѣсто» [1]).

Интересно то, что источникомъ подобнаго нелѣпаго разсказа былъ по словамъ автора «Повѣсти» — вышеупомянутый монахъ Воскресенскаго монастыря, Іона, соузникъ патріарха: «По учиненнымъ же отъ Никона тому монаху Іонѣ злобамъ, о вышепоказанномъ его Никоновѣ со зміемъ дружелюбіи и о прочихъ его богопротивныхъ дѣйствіяхъ, елика сотвори еще живый в Воскресенскомъ монастырѣ, и пребывая въ Ферапонтовѣ множае трехъ сотъ подозрѣній выше реченному головѣ Шепелеву писменно показа. Той же Шепелевъ представи о томъ великому Государю Царю Θеодору Алексѣевичю и патріарху Іоакиму».

Не менѣе куріознымъ представляется и то, что: «Они-же слышавше сія послаша въ Ферапонтовъ монастырь Чюдова монастыря архимандрита Павла да дворянина Ивана Желябоскаго для испытанія о томъ аще есть показуемое истинна. Они же пришедше (л. 71) испыташа опасно о дѣемыхъ Никономъ злобахъ и ясно показася во всѣхъ истинна. Того ради по указомъ Государеву и патріаршу въ лѣто ҂зрпд-е іюня во в҃ день посланъ бысть в заточеніе въ монастырь преподобнаго Кирила бѣлозерскаго» [2]).

Не знаемъ, сохранились ли документальныя свидѣтельства о такомъ посольствѣ изъ Москвы въ Ферапонтовъ монастырь, но самый слухъ этотъ косвенно указываетъ на систему доносовъ и шпіонства, которымъ былъ окруженъ развѣнчанный архипастырь.

---

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058 л. 70 и обор.

2) Тамъ-же.

Если въ разсказѣ о житіи патр. Никона въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ составитель «Повѣсти» могъ пользоваться какимъ то неизвѣстнымъ намъ документомъ, то нижеслѣдующій эпизодъ, достойно завершающій рядъ нелѣпыхъ и оскорбительныхъ для патріарха толковъ, вѣроятнѣе всего почерпнутъ изъ устныхъ разсказовъ и едвали не сочиненъ самимъ авторомъ «Повѣсти». Это разсказъ о напрасной попыткѣ Никона, бывшаго уже въ Кирило-бѣлозерскомъ монастырѣ, исцѣлить слѣпоту.

«Случило ся нѣкоей боярыни, въ предѣлѣхъ бѣлозерскихъ сущей, на единѣмъ оцѣ бѣльмо имѣти. Той же скверный обѣщася ей бѣльмо то со ока согнати. Она (ркп. Он) же, желающи уврачеватися, предаде себѣ тому звѣрю на врачеваніе; юже онъ привяза крѣпко к скамьи лицемъ кверху развязавъ ея руцѣ и нозѣ нестерпимыя ради ярости лекарства. Она же жестоко часъ доволенъ страдавши съ великимъ воплемъ, [по]томъ въ малую отвагу пріиде. Онъ же напоивъ ю виномъ [ради]` лучшаго способу къ терпѣнію болѣзни, и потомъ тако связану сущю проблуди вмѣсто мзды врачемъ даемыя».

Въ заключеніе отмѣтимъ одно обстоятельство, которое, по мнѣнію приверженцевъ старины, обнаруживало діавольское происхожденіе Никона и его связь съ зміемъ, имѣющимъ въ последнее время прельстить человѣчество.

Въ 65-й статьѣ Соловецкой челобитной говорится о Никонѣ слѣдующее: «да онъ же Никонъ, бывшей патріархъ завелъ въ твоемъ государствѣ, россійскомъ царствіи самое худое дѣло и небогоугодное: вмѣста жезла св. Петра чудотворца доспѣлъ святительскіе жезлы съ проклятыми зміями погубльшаго прадѣда нашего и весь міръ, юже самъ Господь Богъ нашъ прокля отъ всѣхъ скотъ и звѣрей земныхъ, а нынѣ они тое проклятую змію освѣщаютъ, и почитаютъ ю паче всѣхъ звѣрей земныхъ и скотъ, внося во святилище Божіе и во олтарь и въ царскіе двери, аки нѣкое освященіе. И всю божественную съ тѣми жезлами, иже съ проклятыми зміями содѣянными, дѣйствуютъ и вездѣ, яко драгоцѣнное сокровище предъ лицемъ своимъ на

показаніе всему миру тѣхъ змій [1]) носити повелѣваютъ, ими же прообразуютъ погребеніе нашея святыя православныя вѣры христіанскія. И то онъ, Никонъ, завелъ не по преданію святыхъ отецъ, но своимъ злохитрымъ умышленіемъ» [2])...

Возраженія на эту выдумку со ссылкой на Увѣтъ Духовный патр. Іоакима, 1682 и на обычай греческой церкви приведены въ «Указателѣ Патріаршей ризницы» [3]).

Нашъ обзоръ конченъ. Быть можетъ, найдутся и еще повѣсти, сложенныя въ средѣ старообрядцевъ о патріархѣ Никонѣ, но онѣ едва ли много прибавятъ къ тому, что̀ извѣстно уже теперь. Большинство составителей обширныхъ повѣстей о патріархѣ Никонѣ только собираютъ и различно комбинируютъ одинъ общій всѣмъ матеріалъ. Въ «Повѣсти» конца XVIII в. мы не встрѣчаемъ новыхъ разсказовъ: позднѣйшіе сочинители, уже видимо охладѣвъ непосредственно къ личности Никона, не вдохновляемые злобою дня, даютъ лишь риторическій пересказъ ранѣе извѣстныхъ росказней.

---

1) Рукоп.: «зиніѣ».
2) Рукоп. Моск. Публ. и Рум. Музея № 252, л. 34 об. и мн. др.
3) Преосв. Савва, Указатель. 1863, стр. 33—34.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ обзора содержанія разсказовъ о патр. Никонѣ становится очевидно, что первоначально они ходили особо въ тетрадкахъ или листахъ, и лишь позже были объединены въ особыхъ сказаніяхъ и повѣстяхъ о Никонѣ, или вошли въ составъ такихъ обличительно-историческихъ сочиненій, какъ Житіе инока Корнилія. Какъ матеріалъ историческій и историко-литературный, прилагаемъ къ нашему обзору нѣсколько текстовъ, извлеченныхъ изъ рукописей собранія кн. Вяземскаго и Императорской Публичной библіотеки.

I.

На первое мѣсто поставимъ рукопись Импер. Публ. библ. Q. I, № 401. Здѣсь помѣщено «Житіе Корнилія» (л. 151—174 об.), къ которому особо приписаны статьи о патр. Никонѣ (л. 174 об.—183 об.), списанныя, какъ гласитъ запись, въ Архангельскѣ: «списаны в Архангельскѣ марта в 6 день 1778 года». (л. 183).

Первая приписка — объ осодомствованіи Ивана Ладошки (см. выше).

Вторая — о видѣніи игуменомъ анзерскаго монастыря (имя не названо) змія на шеѣ Никона во время чтенія Евангелія (см. выше).

Третью (варіантъ разсказа о Димитріи съ Волги), четвертую и слѣдующія приводимъ вполнѣ.

л. 175. Хощу же вамъ братіе и сицеву вещь повѣдати о Никонѣ, прилучижеся сицева вещь, дивна зѣло, и ужаса исполнена, юже
об. л. 175. скрыти || не подобаетъ, но любящимъ и почитающимъ древнее благочестіе повѣдати полезно, яко же пишетъ, тайна царева добро есть таити, божія же чюдодѣйствія проповѣдати, еже отецъ Корниліи самъ слыша, и намъ повѣда, чадомъ своимъ. Слыша убо отъ соловецкихъ отецъ и страдальцевъ христовыхъ, иже скончашася въ Палеостровскомъ монастырѣ, имъ же привниде отъ сицева случая, яже суть предлежитъ къ слушанію хотящихъ вѣдати о семь. Бысть нѣкто христіанинъ, именемъ Дмитрій, жительствомъ съ Волги, отнюду же и той самый Никонъ изыде, сосѣдъ бо ему бяше. Нѣкогда той Димитрій уловивъ рыбу осетра и восхотѣ тоя царю явленна сотворити, веземъ и привезъ къ Москвѣ, и помышляхъ въ себѣ, не явити царю: что де царю, явити, но есть знаемый мнѣ сосѣдъ, патріархъ Никонъ, ему поклонюся. Тако совѣщахъ въ себѣ и глаголахъ добрѣ быть, иде къ нему и сказа; онъ же по премногу возлюби и благослови его и повелѣ ему у себѣ въ полатѣ пре-
л. 176. бывати, напоивъ его питіями || съ удовольствіемъ, и въ другой каморѣ повелѣ спати. Минувшу нѣкому времени проспася Димитрій, посмотрѣ скважнею въ двери, видѣ сего окаяннаго Никона въ болшей полатѣ отъ множества бѣсовъ почитаема, и любезне лобзаема и яко царя величаема, и вси поклоняхуся ему, глаголющимъ всѣмъ: воистинну ты любезный намъ другъ есть, и болшіи братъ нашъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина сына изгнати и низложить, и преодолѣти, точію се неладно сотвори: чесо ради пресна человѣка пустилъ еси къ себѣ спати, видить бо вся наша дѣйства; иди, удави его да не повѣсть сего». Онъ же глаголаше къ нимъ: «другъ ми есть достоиный и сосудъ ближній». Паки глаголюща: иди и удави. Онъ же отвѣща: азъ шедъ искушу его. И пришедъ къ нему, нача его побуждати, той же претворился весьма аки спя и ничтоже свѣдуща.

Никонъ приближися къ нему и нача его иглою колоти пяты
об. л. 176. ногъ спящаго, и не единократно искушая его || и спящій, почювъ

болезнь и весма отъ великія нужды укрѣпися и нача которати и ратити всячески и поносити творящаго надъ нимъ: Азъ другу моему отцу Никону объявлю, обаче паки нача хрыдати и спати. Никонъ же отиде возгрохота. И егда Никонъ поиде въ соборъ, мене же остави аки спяща. Азъ же востахъ и истрезвихся, ощутихъ болѣзнь въ пятахъ своихъ и едва возмогохъ ходити и тако воспріяхъ ужасъ, и шедшу ми въ ложницу и видѣхъ у мѣста ступни черного бархата, и посмотрѣхъ внутрь и выняхъ стелки добраго сукна и начахъ згибати и ощутихъ въ нихъ нѣчто, и мало подпорохъ и видѣхъ у окаяннаго врага Божія во единой стельки образъ Пречистыя Богородицы ис тонкаго серебра, во другой — крестъ тричастный, такоже исъ тонкаго серебра и паче велми устрашихся и въ больше недоумѣніе и страхъ впадохъ, помышляя, како отъ друга своего избыти. И егда пріиде изъ собора, и вопроси мя, како или что видѣхъ. И отвѣщахъ: ничтоже, не помню, || владыко святый, токмо пяты болятъ и л. 177
опохмелиться хотятъ. И той нача смѣятися и опохмеливъ его доволно, благословивъ и отпусти съ миромъ и вся прилучшаяся ему многимъ повѣдахъ.

Паки о немъ же Никонѣ волцѣ и хищницѣ и богоотметникѣ достовѣрное свидѣтельство, иже пастырь бысть во овчей кожи предотеча антихристовъ. Христосъ Спаситель, Богъ нашъ, предвозвѣсти намъ святымъ евангеліемъ о безбожныхъ еретикохъ, глаголя сице: вънемлите себе отъ лживыхъ пророкъ иже приходятъ къ намъ во одежахъ овчихъ, внутрь же суть волцы и хищницы, ихъ же отъ плодовъ познавайте, сирѣчь отъ словесъ и отъ ученія ложна. Понеже въ прежнія времена мнози быша еретицы въ восточныхъ и прочихъ земляхъ ихже обличиша и прокляша вселенстіи и помѣстніи собори; въ нынѣшнее же послѣднее время явился сосудъ всякія горести и злобы, врагъ Божіи Никонъ, недостойны всякаго святительскаго названія, отъ плодовъ дѣлъ своихъ || Его же мнози боголюбивіи отцы от мен- об. л. 177.
шія четы ревностно обличаху враги божія и всякія правды. Но отъ болшихъ исцѣляемъ бысть, сиречь защищаемъ. Понеже

сами боляху язвою неисцѣльною же—нечестіемъ. Пораженныхъ отъ него Никона прежде его же нынѣ, аще испровергоша, но отъ проказы его очистити себе не возмогоша, понеже плотское мудрованіе вражда есть Богу и его закону не можетъ покоритися, якоже глаголетъ апостолъ. Плоды же Никоновы злыя явлени суть всей вселеннѣй яко церковь христову роздра и законы ея извѣстныя истреби и непотребны сотвори, и цареву душу возмути и весь сигклитъ его восколеба нечестіемъ своимъ и междоусобную брань во едновѣрныхъ сердцахъ положи и кровопролитія многа содѣла. Богоотметство же его сіе есть и кромѣ превращенія догматъ церковныхъ.

Егда же бывшу тому змію лукавому на патріаршествѣ, келейнику у него тогда взяту и нехотящу ему святу мужу, Соловецкаго монастыря болнищному келарю старцу Кирику именемъ
л. 178. немъ, пришедшу || ему тогда изъ Анзерскія пустыни монастырьскихъ ради нуждъ, и той Никонъ, врагъ креста Христова, зная его и прежде сего тамо старца Кирика, велико послушаніе стяжавша, и удержа его окаянный Никонъ въ патріархіи жити силою. Во единъ же отъ дней старецъ Кирикъ видѣ патріарши башмаки, бархатныя переды и восхотѣ въ нихъ позрѣти, чюдяся въ себѣ о семъ, понеже видѣ драгую вещь на ногахъ носиму, и позрѣ въ нихъ, и видѣ нашито на стельке крестъ тричастный Господа нашего Ісуса Христа, а на другой стелькѣ вышито воплощеніе Пречистыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ. И отъ страха сего старецъ Кирикъ возмятеся душею и вельми вострепета и лицемъ измѣнися. Богоотметнику же Никону страха ради не рече о семъ, да не потребленъ будетъ отъ него, и преста ясти и пити отъ страха. Врагъ же Христовъ Никонъ, вопрошая старца Кирика, чесо ради не яси; он же претворився въ
об. л. 178. болѣзнь тяжку и рече: немогу владыко зѣлно || и нача притужно проситися у него на свое обещаніе, да тамъ гробу преданъ буду во своей обители. Отступникъ же Никонъ отпусти его скоро отъ себе, и грамоту даде ему ея же ради вины пріиде. Старецъ же Кирикъ, пришедъ въ монастырь и повѣда о томъ отцу сво-

ему духовному священноиноку Виталію, о томъ страшномъ и необычномъ дѣлѣ и отецъ его духовный весма накрѣпко истяза о семъ, той же паки исповѣда и при всей братіи, глаголя, яко Никонъ врагъ Божій и богоотметникъ есть, яко образъ воплощенія Пресвятыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ и крестъ распятаго за ны господа Іисуса Христа подъ стельками носитъ въ башмакахъ, и сей есть явный врагъ Божій и богоотметникъ Христовъ.

Еще же и вторый свидѣтель сему дѣлу, ученикъ его Никоновъ, именемъ Андреянъ старецъ, многи лѣто жилъ съ нимъ, еще и до патріаршества. И тотъ инокъ Андреянъ такожде видѣ у Никона, уже въ патріаршествѣ || бывшу ему врагу Божію, въ л. 179.
сапозѣхъ его подъ стельками такожде крестъ Христовъ и подъ другою воплощеніе Пресвятыя Богородицы образъ, литый изъ мѣди тонцѣ; той ученикъ его Андреянъ страхъ Божій имѣя въ сердцѣ своемъ ужасеся сему зѣло, отъ того часа и возненавидя его и нача ему пререковати во всемъ келейномъ послушаніи, обаче обличити его не смѣя, да не обезглавленъ будетъ отъ него. И многажды біяше его за пререканіе, и разъярися нань зѣло, и окова его нозѣ желѣзы тяжкими и оловомъ заливъ, и повеле заточити въ палеострожской монастырь на Онегу, въ немъже святый Зосима бѣ постриженъ. Той же инокъ Андреянъ самъ всѣмъ повѣда, отцу своему духовному, священноиноку Феодосію, и намъ же самъ сказа все поряду о предтечи и самомъ антихристѣ: «воистинну Богъ сему свидѣтель, яко не лгу на него, по страшномъ судѣ Божіи отъ вѣрныхъ бо и святыхъ мужей о семъ слышахъ и писахъ сія. Онъ же окаянный Никонъ, хульникъ святыхъ || отецъ нашихъ, лаялъ преподобнаго отца нашего Ефро- об. л. 179.
сина Псковскаго, за трисвятую аллилуію, сице рекъ старцу Григорію Неронову. указавшему ему старцу Григорію на преподобнаго Ефросина, о аллилуіи, егда начали четверити аллилуію, и онъ врагъ божій Никонъ въ то время глагола про святаго Ефросина: «тотъ де дуракъ блядинъ сынъ былъ» и той старецъ самъ сказывалъ о семъ и самому царю вѣдомо было, при вла-

стяхъ въ соборной церкви, при всемъ соборѣ, да покрываетъ врага Божія во всякой неправдѣ. Аще и просившимъ праведнаго суда и хотящимъ его обличити, но не даетъ.

Онъ же Никонъ преподобнаго отца Іосифа Волоколамскаго злословилъ зѣло и поносилъ и ябедникомъ называлъ, такова богословца, и не поклонялся образу его святому. О семъ глаголаша ученицы его Никоновы.

Той же Никонъ, волкъ и отступникъ, грабя себѣ у святыхъ
л. 180. монастырей села и вотчины || и у князей меншихъ отъемля всяко, таяжде и къ своимъ прилагая и расширяя, яко князь міра сего, множествомъ рабъ и слугъ величался, меньшія житницы разоряя и большая созидая и множество брашенъ уготовляя на многая лѣта, чюжею кровію и потами веселяся на всякъ день міра сего красотами, а Христова словеса не помня, еже рече Спасъ къ хищнику оному: «безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже еси уготовалъ кому будутъ»; и таковымъ насиліемъ своимъ многія монастыри оскорбилъ и разорилъ, и помѣстныхъ князей ослезилъ, и маломощныхъ обидилъ, и земледѣльцевъ простыхъ христіянъ тяжкими труды умучилъ, созидаючи свой горкой Іерусалимъ, яко и оны фараонъ мучитель израильтянъ во Египтѣ отяготилъ древле.

Рекъ святѣйшій патріархъ Паисій іерусалимскій о Никонѣ сице: «Когда патріархъ сѣверной Никонъ началъ строить но-
об. л. 180. вой Иерусалимъ, то скоро и новой Богъ будетъ || на земли, сирѣчь антихристъ». О семъ сказа намъ канорхистъ Гроба Господня, грекъ родомъ, именемъ Павелъ, о семъ и самому царю свѣдомо было, и то все есть зло. Аще и изгнанъ Никонъ съ престола, но тлѣнныхъ ради и мимотекущихъ вещехъ, ими же души не враждаются, а въ догматехъ же нечестивыхъ пребывающіи враждающіи, враждаются вси и погибаютъ, ихъже Никонъ узаконоположилъ. А прельщени отъ него утвердишася, у нихъ же о томъ ни едино слово бысть съ нимъ, аще разбойникъ и не правъ, но дѣло его право стало отъ іудей неправедныхъ заглажено. Добрѣ глаголетъ исторія о египтянехъ, яко тамо во

Египтѣ татей не казнятъ, понеже сами вси крадутъ, и отъ краденія Ермію, богу своему, приносятъ жертву, ибо Ермій самъ тать бысть, и тѣмъ его почитаютъ. Разумѣйте разумніи во владыкахъ, и буй нѣкогда умудрится. Насаждей ухо не слыши-ли неправды нашея, создавый око не сматряетъ ли || лукавства ва- л. 181.
шего, наказуяй языки не обличитъ ли васъ; Господь свѣсть помышленія человѣческа, яко суть суетно; аще Никонъ наставникъ вашъ правый путь вамъ обрѣте, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуютъ? Аще ли Никонъ врагъ Богу и Богородицы и святымъ его и вамъ, то почто его пестрыя законы держите и доколѣ храмлете на обое колѣна, когда Богу, а когда ваалу? Аще ли есть Богъ нашъ правъ со святыми его, прежними нашими пастыри, то идите за нимъ и за святыми его, святившими васъ и отецъ вашихъ. Аще ли новый Ваалъ, Никонъ богоотметникъ, правъ съ новыми его книгами, а со старыми ересми въ новыхъ положенныхъ догматѣхъ, то за нимъ идите и поклонитеся иконѣ его, написанной отъ него и самого его небезчестите изгнаньми, и не подобите себя Іюдѣ предателю; тѣмъ о слѣпоты, о лукавстви ихъ, гдѣ правда пастырская || гдѣ мужество и кто ихъ буести и нечестію не посмѣется, об. л. 181.
точію судія Христосъ Сынъ Божіи да судитъ!.. [1])

И посему знатно отступника Никона: егда Богомъ изгнанъ изъ церкви скверный онъ являяся людемъ, тогда и прельщаяй, яко смиренія ради остави престолъ свой въ поученіе глаголя, и разъяривсе безчинно, не сверша литоргіи, свергъ съ себе весь санъ святительскій и облечеся въ простыя иноческія рубы и тако изыде исъ церкви, и недостойна себе отнюдъ сказа пастыремъ быти и клятся предъ всѣми глаголя: нехощу пастыремъ слышатися, просите себѣ у царя иного пастыря церкви святыя. И по семъ паки, послѣ клятвы своей и по отреченіи вся святительская пріятъ и ставлениковъ посвящалъ, и на престолъ патріаршескій наскочилъ и паки во едино время наскочилъ, незванъ пріиде во царствующій градъ и въ церковь, яко разбойникъ, но-

1) Кажется пропускъ въ рукописи.

щію вшедъ и всѣхъ устраши ту бывшихъ на всенощномъ въ
л. 182. недѣльный день. || Свѣдавъ же царь татя, пришедша въ церковь, и посла болярина своего изгнати ево волка «почто уже незванъ пріиде къ намъ, по отреченіи своемъ, иди вспять, отнюдуже пришелъ еси». Онъ же съ посрамленіемъ возвратися въспять въ горкіи и погибельный свой Іерусалимъ. Въ тоже время украде посохъ въ церкви съ патріарша мѣста святаго Петра митрополита. Увѣдавъ же о семъ царь посла за нимъ, яко за волкомъ пса скороходнаго, Павла митрополита Сарскаго съ воинствомъ царьскимъ, и повелѣ у него посохъ святаго Петра отъяти нуждею, и отъяша отъ него[1]). Святотатецъ же въ то время многихъ слугъ своихъ замучилъ, яко не поспѣша привести заводныхъ коней на пути, понеже не уѣде окаянный въ горкій свой Іерусалимъ; а до сего пса Павла митрополита облыгая царя государя и сказуя ему, яко бы царь умздилъ властей мздою и изгнавши мене, и повелѣ осудити мене, патріаршеска престола, но царь ево испервa умолялъ не оставлять патріаршества, онъ же недостоинъ ся творилъ, хотя царь покорити подъ ноги свои и въ послѣднюю погибель уловить; и во всемъ семъ царь до сего его, проклятаго змія, пронырства діяволя не узна, но вся его законоположенія и до нынѣ любовне держитъ, а отеческаго своего благочестія ненавидитъ и держащихся того гонитъ и томитъ всякимъ озлобленіемъ и смертемъ предаетъ непріемшимъ ихъ злочестія, прельщенъ бо зѣло отъ проклятаго діавола Никона, и ученикъ его, наипаче стыдящеся обратитися на прежнее свое правовѣріе. И не вѣдятъ бо что творятъ, едино бо токмо Никоново преданіе измѣнили въ хожденіи въ день, наутреи Богоявленія Господня по прежнему, А въ вечеръ по никоновой прелести, паче же рещи по латинской, и за то будетъ имъ милость отъ
л. 183. Христа Бога, и отъ святыхъ || его. А за новыя соблазны судитъ имъ Христосъ Богъ и за прочія вся неправды въ догматехъ.

1) О «наскоченіи» Никона на патріаршій престолъ и увозѣ посоха св. Петра митрополита см. Н. Гиббенетъ, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона, II, стр. 116 и слѣд.

Прочее слыши небо и внуши земле, глаголы рабовъ Христовыхъ, вамъ засвидѣтельствуемъ всяку правду и истинну, понеже праведнаго судіи на земли не обрѣтохомъ нынѣ, въ послѣдняя дни сего вѣка. Аминь.

Списана въ Архангельскѣ марта въ 6 день 1778-го года (ср. л. 189 и 261 об.)

II.

За симъ приводимъ уже связно изложенное «Сказаніе», предлагающее въ литературной обработкѣ нѣкоторые изъ приведенныхъ въ обзорѣ эпизодовъ, по рукописи собранія кн. Вяземскаго О. № V, л. 221—229, представляющей сборникъ различныхъ старообрядческихъ сочиненій, писанный полууставомъ XVIII в.

Сказаніе о Никонѣ патріарсѣ.

Глаголати о семъ недоумѣю, иже не у младенчества устрабися, великій Государь, не у во иноческая вниде; отъ святыхъ отецъ предвидѣся смутитель рускія земли многомятежный. О родѣ его, яко курмышанинъ бяше, и о благополучіи, яко убогъ и сирота бѣ, житіи никоново в мирѣ, яко острожелчивъ, яростивъ и злопамятливъ; иже попомъ бяше, жену имяше піянчиву и оплазиву, ея ради ушедъ пострижеся во мнихи, не въ монастыри коемъ, ниже въ пустыни, ниже въ повиновеніи живяше, но в монастырстемъ дому отъ скитающихся іеромонахъ. Оставляю нынѣ (об.) писати продолженія ради, како во мнишество вниде и како скитаяся по мѣстомъ, невѣмъ кіими случаи великому старцу преподобному Елеазару анзерскому во ученичество вниде и съ нимъ анзерскомъ острогѣ отъ временъ нѣкое поживѣ, о немъ же пророче духопросвѣщенный старецъ таковая сице: О какова

смутителя и мятежника Россия въ себѣ пріятъ и питаетъ; сей смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ исполнитъ. Видѣ бо святый, егда бо Никону служащу литоргію, змія обвившися о выи его страшна же и зѣло черна. Оттуду старецъ нелюбляше Никона и тако нань (л. 222) гнѣвашеся, яко убѣжати Никону отъ него, не токмо единому, но и соловецкихъ двухъ старцовъ прельсти съ собою въ бѣжаніе. Прехожду прочее: краденіе монастырскихъ припасовъ, прехожду злобное воздаяніе человѣкомъ за непревозъ чрезъ рѣку и в сылку онѣхъ во время власти своея сосланіе; мимо прехожду пребываніе его во еже езерьстей обители игуменство и къ Москвѣ взятіе, архимандричество оного: вся сія продолженія ради оставляю. Сіе воспомянути хощу, еже на новогородское въ митрополиты Никоново возшествіе. Егда бо (об.) предивному новгородскому митрополиту Аффонію зѣло много добродѣтельну за старость и очесное зрѣніе невидѣніе съ престола въ Хутынскій монастырь отшедшу, тогда волею царскою и патріаршимъ благословеніемъ Никонъ на Новгородскую митрополію рукоположенъ въ Новъградъ пріѣхавъ и прибывъ прежде къ дивному отцу Аффонію на Хутыню ради благословенія поѣде; и въ келію пришедъ прошаше благословенія у святителя. Оному же вопросившу, кто есть пришедый и просящій благословенія: предстоящіи же рекоша: владыко святый, преосвященный Никонъ, митрополитъ новоруко (л. 223) положеный проситъ благословенія. Тогда дивный и памяти достойный Аффоній возопи: «прійде же время яко и Никонъ въ митрополитахъ. Воли Божіей оставимъ о насъ полезная предсматряти». И тако предивный онъ архіерей Никона не любляше, яко и по преставленіи своемъ Никону не повелѣ тѣла своего погребсти, но псковскій архіепископъ по приказу ему погребе его. И егда на митрополіи утвердися, тогда еже зачатъ во чревѣ прежде, роди болѣзнь, яко премногія бѣды и смущенія наносящую. Первое повелѣ написати образъ благовѣщенія Пресвятыя Богородицы необычнымъ (об.) писаніемъ, новымъ: Пречистую Дѣву Младенца имѣющу совершена въ нѣд-

рѣхъ. Второе — кіевское партесное пѣніе начатъ въ церковь вводити согласно мірскимъ гласоломательнымъ пѣніемъ, еже предвозвѣсти о немъ блаженный Елеазаръ Анзерскій и святый Аффоній Новогородскій и духопросвѣщенный митрополитъ Варлаамъ ростовскій и Ярославскій, еже предъ нѣкими лѣты Никанова властительства люди своя ученіемъ предъутвержая повѣдаше глаголя со слезами наитіе и мятежъ ущербленіе благочестія; которое прореченіе преставленіемъ своимъ утверди (л. 224). Егда бо Никонъ отъ царя на Соловки посланъ взять мощи святаго Филиппа митрополита, и егда грядущу Никону въ Москву, тогда изыде царь на срѣтеніе мощемъ святаго Филиппа и оный архіерей Варлаамъ, иже моляшеся Господеви, якоже достовѣрніи о немъ и ближніи повѣдаша иже глаголаше: «владыко всесвятый, не даждь ми видати сего многомятежника всероссійскаго смутителя, хотящаго новымъ ученіемъ поколебати Святую Церковь. Но сотвори со мною знаменіе по велицей милости твоей, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь». Водиму чюдному сему архиерею двема архидіяконома на стрѣтеніе мощей и мало Никону недошедшу, елико въ видѣніи другъ друга, блаженому при (об.) лѣжно молящуся архіерею, и абіе подломишася ему нозѣ и на рукахъ поддержащихъ свою душю Господеви предаде. Тѣло же оного предивнаго архіерея полгодищное время на Москвѣ лежаше цѣло и нетлѣнно въ Ростовъ отвезено. Егда же Никонъ отнятъ отъ печатнаго двора прежде бывшія благовѣрныя справщики, и поставляетъ вмѣсто онѣхъ нѣкоего Арсенія монаха, грека, мужа толикаго лукавства и толикія злобы исполнена, толиками злодѣйствы кипящаго, елико и отъ прежде бывшаго патріарха въ ссылку сослася и въ темницу посаждена; глаголютъ же и отъ греческаго патріарха ко Іосифу патріарху (л. 225) Московскому того Арсенія написана бывша, и премножайшія злобы того и злодѣйствія, и соловецтіи отцы в прошеніи ко царю Алексію Михайловичю достаточне объявиша и трижды благочетія отступати того показаша и иныя злобы и мерзости непреподобнаго мнози отъ древнихъ отецъ объявляху, но Никону до-

стоинъ и добръ обрѣтеся, яко сосудъ ему потребный, злодѣйственный органъ того, прелестныхъ начало твореній; его же обрѣтъ зѣло возвеселися; глаголютъ же исъ темницы того свободити; егда въ соловецкомъ монастыри Никону ради (об.) мощей святаго Филиппа бывшу, того нѣкіимъ волхнованіемъ проувѣдѣвъ, патріархомъ Никона нарече; оного Арсенія на печатномъ дворѣ посадивъ предерзостно плевелы возсѣя. Увѣдѣвше тогда священніи отцы, преосвященный Павелъ епископъ Коломенскій и священніи протопопи: Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ, Іоаннъ Нероновъ, начаша всеплачевно рыдати, яко пройде лѣто спасительнаго плодоносія, показася зима всемразная. Отъ нихъ же единому предстоящу предъ образомъ божіимъ, о нашествіи многосмущенныхъ (л. 226) новшествъ мятежа все рыдательно молящуся, гласъ слышашеся отъ образа вѣщающъ: «время приспѣ вамъ страдати неослабное страданіе». Таковый гласъ слышавъ предобрымъ совѣтникомъ своимъ возвѣщаетъ. И тако написаша челобитну на Никона, царю въ руцѣ подаша, но ничтоже оныхъ жалоба успѣваше: царь бо вѣру имяше Никону. Тогда протопопъ Іоаннъ начатъ часто въ соборную церковь ходити и не даяше трегубити аллилуиа, и съ Никономъ спирашеся. Никонъ озлобити Іоанна несмѣяше, понеже мужъ отъ честныхъ и царю знаемъ. Егда же Никонъ соборъ собра, тогда (об.) архіереи страхомъ и неволею мнози подписашася, но, послѣди раскаявшися, зѣло печалію одержими, якоже митрополитъ новогородскій, зѣло сѣтоваше, яко и рукополагающихся священники укрѣпляше еже новинъ не пріимати. «Аще, рече, азъ и подписахся трепетомъ мученія объятъ, но вы крѣпко держитеся староцерковнаго благочестія» — и тако самъ служаше и благословляше, но яко исперва пріятъ, и во всемъ Новѣградѣ при оною бытности небѣ гоненія: по первому обычаю совершаху службы. Аще отъ Никона и во узѣхъ терпяше, но втай похваляше древнее (л. 227) благочестіе. Такожде и Маркелъ, архіепископъ; на соборѣ страхомъ подписался, но послѣди разкаявся вельми тужаше и во своемъ градѣ гоненія и насилія никому не творяше.

Такожде же Александръ, епископъ вяцкій на соборѣ страхомъ подписался, но послѣди плакаше и рыдаше, новинъ весма ненавидяше: свидѣтельствуютъ о семъ явственно того писаніе жалобное, къ государю подаваше на Никона во рва годѣ, въ немъ же Никоновы прегорчайшія плоды, како Никонъ печатныя книги издаде, мятежа и смущенія полны; служебники напечата ѕ выходовъ, иже между собою согласія не имѣютъ; како (об.) убиваютъ вѣрныхъ души и нехотящихъ послѣдовати прелестному его мудрованію проклинаетъ; и понеже невозможе писаніями и доношеніями благо сотворити, во свою епархію возвратися, оставивъ престолъ епископскій, въ келію затворися и плачемъ и рыданіемъ скончавъ животъ свой. Сице убо Никона непреподобнаго безчиніе; тогда и священницы ревноваху Никанова смущенія и втайнѣ служаху по древле-церковному преданію. Тогда Никонъ со своими совѣтники злохитро умышляетъ, посылаетъ повсюду гонителя, темницы, мучительства, томленія нетерпимая: —

III.

Изъ той-же рукописи собранія кн. Вяземскаго О. № V (л. 87—94 об.) извлекаемъ статью характерную, какъ показатель тѣхъ возраженій и укоровъ, съ которыми приходилось сталкиваться патр. Никону. Въ ней съ особенной послѣдовательностью проводится мысль о томъ, что Никонъ — предтеча антихриста. Здѣсь опять встрѣчаемся съ монахами: келейникомъ Никона Кирикомъ, Андреяномъ и Наѳаномъ, щедро разсыпавшими самые невѣроятные слухи о патріархѣ.

(л. 87) О богоотметникѣ Никонѣ достовѣрно свидѣтельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча антихристовъ; яко церковь Христову раздра и вселенную всю возмути и святыхъ оболга и возненавиде и кровопролитія много сотвори за истинную вѣру Христову.

Богоотметничество его сіе есть и кромѣ превра (об.) щенія церковныхъ догматъ. Егда бывшу тому змію лукавно на патріаршествѣ, келейнику же бывшу взяту у него, тогда понужди и нехотящу святу мужу, соловецкаго монастыря болничному келарю, старцу Кирику пришедшу ему изъ [а]нзерскія пустыни, и той врагъ креста Христова, Никонъ удержа его окаянный у себе жити въ патріархі[и]. Во единъ убо отъ дній видѣ старецъ Кирикъ патріарши башмаки, бархатныя переды. И позрѣ (л. 88) въ нихъ и видѣ нашитъ на стелки крестъ Господа нашего Ісуса Христа; на другой стелки вышито воплощеніе Пресвятыя Богородицы; и отъ страха того старецъ Кирикъ ужасенъ; и отъ того часа преста ясти и пити. Врагъ же Христовъ Никонъ вопрошая его: «чесо ради не яси и не піеши?» Онъ же претвори себе въ болѣзнь тяжку и отвѣща: «не могу, владыко, зельнѣ», и начатъ притужно проситися у него на обѣщанное мѣсто, да тамъ гробу преданъ будетъ. И отпусти его скоро отъ себе, примоту(? можетъ быть: и грамоту) даде ему; онъ же пришедъ въ монастырь и повѣда (об.) о томъ отцу своему духовному, священноиноку Виталію о томъ страшномъ дѣлѣ. А отецъ его Виталій и инымъ братіямъ духовнымъ сказа въ духовенствѣ о всемъ: како крестъ и воплощеніе въ башмакахъ носитъ, и сей есть врагъ Божій и богоотметникъ явной. И вторый свидѣтель сему дѣлу, ученикъ его Никоновъ, старецъ Андреянъ именемъ — живе съ нимъ и до патріаршества много лѣтъ; и видѣ тотъ старецъ у Никона въ сапогахъ крестъ Христовъ и воплощеніе Пречистыя Богородицы литы (л. 89) изъ мѣди тонцы. И той инокъ Андреянъ, страхъ Христовъ имѣя въ сердцы своемъ, и ужасеся зѣло, и возненавиде его, Никона, врага Божія. И начатъ ему перековати во всемъ келейномъ послушаніи; о томъ же обличити его, врага, не смѣяше. И многажды біяше его за прекованіе и разъярився напь и окова и повелѣ его заточити въ Палеостровской монастырь. Той же инокъ повѣда отцу своему духовному Өеодосію и инымъ многимъ и Аввакуму протопопу съ то(об.)варищи все по ряду. Онъ же Никонъ, сосудъ

лукаваго діявола, мучилъ священноинока Наѳана Кіевлинина, бывшаго у него уставщикомъ; и бывши у нихъ распри о святомъ крещеніи, како отрицаются христіяне отъ сатаны и плюютъ нань. Никонъ же, поборствуя по отцѣ своемъ сатанѣ, глаголя Наѳану: «не подобаетъ плевати на сатану; не знаючи то творятъ». Наѳанъ же рече: «подобаетъ плевати на сатану по отреченіи его: тако писано о семъ во святыхъ книгахъ». Никонъ же глагола: (л. 90) «не подобаетъ» — и много у нихъ о семъ бысть при. Наѳанъ же ревности исполнися по Христѣ, рече: «азъ плюю и на того, кто и за сатану стоитъ». Никонъ же повелѣ бити его плетми и въ ссылку сосла его на Кій островъ. Онъ же сказа о семъ подробну, при мнозѣхъ. Онъ же Никонъ юродивыхъ святыхъ бѣшаными нарицалъ и на иконѣ ихъ лика и писати не велѣлъ (об.). Той же инокъ Наѳанъ свидѣтельствова о семъ; а иная нелѣпо про него и сказати. Онъ же хульникъ святыхъ отецъ нашихъ, преподобнаго отца Іосифа Волоколамскаго чюдотворца Никонъ врагъ Божій злословилъ и зѣло поносилъ и ябедникомъ нарицалъ такова богословца и не поклонялся ему. Преподобнаго Еѵфросина Псковскаго чюдотворца лаялъ за трисвятую аллилуію; указавшу старцу Григорію (л. 91) Неронову, егда началъ четверить, онъ же врагъ Божій Никонъ въ то время про святаго Евфросина о аллилуіи глагола: «тотъ-де дуракъ безумной былъ» — о семъ старецъ Григорій Нероновъ сказа, и царю вѣстно то дѣло было, въ соборной церкви, при властяхъ — да покрываетъ врага Божія во всякой неправдѣ, и въ томъ его судитъ Богъ. И многихъ святыхъ оболгалъ и исъ помяновенія въ литіи истребилъ (об.) и все наругаяся творилъ и порочилъ, самъ же дѣльнѣ опороченъ бысть и поруганъ отъ своихъ ласкателей и ученикъ; и яко пса изгнаша его земныхъ ради, а не духовныхъ, за землю и за вотчины, а не за Христа и за Церковь его. И вси бо они своихъ си ищутъ, а не яже Христа Ісуса по апостолу. Похищая бо той волкъ Никонъ, яко разбойникъ грабя себѣ у святыхъ монастырей села и вотчины у князей отъемля всяко (л. 92), таже къ своимъ прилагая. И многія

князи ослезилъ и монастыри оскорбилъ и разорилъ и простыхъ крестьянъ тяжкими труды умучилъ, созидаючи свой горкой Іерусалимъ. Добрѣ рекъ патріархъ Іерусалимскій о Никонѣ сице: «когда рускій патріархъ началъ строити новой Іерусалимъ, то скоро и Богъ новой будетъ на земли» — сирѣчь антихристъ. О семъ сказа намъ грекъ (об.) именемъ Павелъ; и царю о семъ вѣстно было. Аще и песъ изгнанъ бысть, но блевотина его и до днесь сладцѣ полизоваема пребываетъ отъ любящихъ ту и невѣдящихъ. А иже узаконоположилъ Никонъ нечестивыя догматы превращеныя, а прельщенніи отъ него паче утвердиша, и держатся: аще разбойникъ неправъ, но дѣло его право стало! Господь свѣсть помышленія человѣческая, (л. 93) яко суть суетна. Аще Никонъ наставникъ правый путь вамъ показалъ и обрѣте вѣру, — почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя ратуютъ? Аще Никонъ врагъ Богу и Богородицы и святымъ его и вамъ, то почто его прелестныя законы держите? И доколѣ храмлете на обѣ колѣна ваша? Аще есть Богъ нашъ правъ со святыми своими, прежними пастырми нашими, — идите (об.) за нимъ и за святыми его, святившими васъ и отецъ вашихъ прежнихъ. Аще же новый Ваалъ, Никонъ богоотметникъ, правъ съ новыми своими книгами, а старыми ересми въ новыхъ догматахъ, — то идите за нимъ, поклонитеся иконѣ его, написанной отъ его, и самого его не безчестите. О слѣпоты! О лукавства! Гдѣ правда пастырская, и кто ихъ буести и нечутія не посмѣется! И царь его не узна пронырства вражія: (л. 94) вся его законоположенія любовне держитъ, а отческаго своего благочестія гонитъ и томитъ всякимъ озлобленіемъ и мученіемъ: прельщенъ бо зѣло отъ проклятаго отступника Никона и отъ ученикъ его паче. Слыши небо и внуши глаголы рабъ Христовыхъ. Вамъ засвидѣтельствуетъ всяку правду и всяку истинну, понеже праведнаго судіи на земли не (об.) обрѣтохомъ въ человѣцѣхъ нынѣ, въ послѣдняя дни вѣка сего. Аминь.

IV.

Какъ примѣръ «украшеннаго» житія патріарха Никона, вышедшаго изъ рукъ старообрядческаго писателя, приводимъ начало часто цитированной нами выше «Повѣсти о рожденіи и воспитаніи»... по рукописи Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, относящейся, сколько можно судить по почерку, къ концу XVIII в. По упоминанію о нежеланіи раскольниковъ быть подъ двойнымъ окладомъ П. С. Смирновъ (тамъ-же, стр. CXI) устанавливаетъ ранній возможный срокъ ея составленія — 1716 г. Этотъ списокъ повѣсти особенно интересенъ потому, что авторъ вездѣ указываетъ—въ текстѣ и на поляхъ—тѣ источники, которыми онъ пользовался. Эти источники двухъ родовъ: устные и письменные, точнѣе — слухи о Никонѣ, ходившіе въ раскольничьей средѣ, и «Житіе», написанное иподіакономъ Іоанномъ Шушеринымъ. Авторъ упоминаетъ объ Игнатіи іеродіаконѣ, инокѣ Корниліи, Іоаннѣ Шушеринѣ, ссылается на Книгу о вѣрѣ, Степенную книгу и вообще «многія свидѣтельства». На поляхъ помѣчены части «Повѣсти»: «О рожденіи и воспитаніи Н.», «О приходѣ во островъ анзерскій», «О прореченіи Елеазара анзерскаго и др.». Къ сожалѣнію край листа обрѣзанъ и не всегда можно возстановить утраченное.

(л. 46) Повѣсть ѡ҆ рожденїи и воспитанїи, и ѡ҆ житїи, и ко҃чинѣ Нїкѡна бывшагѡ Патрїарха Московскаго и҆ всея Рѡссїи: Собранная ѿ многихъ достовѣрны҃ повѣствователей бывшихъ во дни отецъ нашихъ.

Понеже убо по древне церковнѣмъ отеческомъ благочестіи, аще и горячею жалостію снѣдаемъ есмь, и речуся приступити къ повѣсти о бывшемъ

искоренителѣ того православія, сказати хотяще и. Но къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею с коварными его умышленіями сплестися. Ибо той единъ злобою своею и коварствомъ преодолѣ всю Рѡссію: яко преимущія сладкоувѣщательными бесѣдами, лестію помазанными: тако вельможныя, высокихъ честей и даровъ награжденіями: сице ничтожныя грозами и муками утомивъ побѣди и подобнымъ себѣ новолюбителемъ на вся хранители святоотеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и томленія отверзе.

И что сотворити не вѣмъ; молчаніемъ ли желаемую многими слышати повѣсть покрыти, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ и предъ ушима слышащихъ поставити. Обаче убо, надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей, (л. 46 об.) начинаю слово, путемъ повѣсти текущее.

Въ лѣто міроздания ,зрг҃і, отъ рождества же Ісусъ Христова ,ах҃гі. индикта г҃-го маія к҃а-го, во вторый по недѣли день, в предѣлѣхъ Нижняго Новаграда, в веси нарицаемѣй Вельдемановѣ (или Курмышовѣ) родися сей Никонъ отъ убогихъ родителей, отца Мины и матере Маріммїи. Его же при крещеніи Никитою нарекоша. [о ро]ждені[и] [и вос]пи[таніи] [Ник]оно[вѣ]

По умертвіи же матере его, взя его нѣкоторая жена Ѯенія именемъ и воспита его и грамотѣ извыче.

По времени же нѣкоемъ возраста своего отиде во обитель преподобнаго Макарія желтоводскаго и ту живя (?) содружна съ клириками тоя обители.

Нѣкогда же поиде съ ними во ину обитель и случися имъ обнощевати у нѣкоего татарина волхва суща: иже волшебствомъ своимъ сказоваше кому-

ждо хотящая быти; волхвуя же скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, сему Никитѣ рече: яко ты будеши государь великій. Онъ же слышавъ отиде, не надѣяся збытися прорицанію.

И по смерти отца своего поятъ себѣ жену, яже бѣ піанчива и оплазива; с нею же живый в нѣкоемъ селѣ по избранію ту живущихъ іерей бысть. И для непостоянства своея жепы бѣжа в Москву и на нѣкоемъ монастырскомъ подворье отъ нѣкоего скитающагося священноинока постриже ся и преименованъ бысть Никонъ (л. 47).

И тако скитаяся пріиде на островъ анзерскія пустыни иже стоитъ на Бѣломъ морѣ, близъ отока соловецкаго. И тамо пребываше во ученичествѣ у начальника тоя обители, старца богодухновенна и свята, именемъ Елеазара, иже соgради скитъ той и жительство въ немъ состави. о пр[иходѣ] во ос[тровъ] анзе[рскій]

Чистаго же ради житія оный старецъ Елеазаръ пророческими дарованіями обогатився, о пребывающемъ у него в послушаніи Никонѣ семъ братіи своей прорицая глаголаше: О какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ! Сей убо смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ наполнитъ. Видѣ бо святый единою служащу Никону літургію (яко достовѣрніи анзерстіи жителіе рекоша), змія черна и зѣло велика, около выи его оплетшася, и вельми ужасеся. И отъ того времени возненавидѣ святый Никона и тяжко гнѣвашеся нань и сотвори его бѣжати. о про[реченіи] елеа[зара] анз[ерскаго]

И пріиде въ кожеозерскую пустыню, яже есть въ каргопольскихъ предѣлахъ, и по времени бысть тоя обители игуменъ. Идѣже пребывъ три лѣта, в ня же для исполненія монастырскихъ потребъ хождаше въ царствующій градъ Москву. И тамъ о пр[иходѣ] в кож[еезерскую] пѹст[ыню]

пребывая, невѣдомо чрезъ какія представленія, знаемъ бываетъ великому государю, царю Алексїю Михаиловичю и святѣйшему патріарху Іосифу. И поставленъ бысть архимандритомъ в Спасовъ монастырь на новое (л. 47 об.)

И прибывая тамо, коварными своими лицемѣ- ....ˆнаніи
ріями плѣни царскаго величества мысль якоже древ- ....ю
ніи савота варинъ, Θеодоръ злообразный волхвъ, ...но
царя Василія македонянина до толико прельсти, яко ....ръ
мняше его быти не к тому архимандрическу, но и ....со
великому пастырскому сану достойна. И того ради .....
поручи ему в пятокъ каждыя недѣли подаваемыя .....кї
отъ обиженныхъ прошеніи предлагать для разсужденія къ его царскому величеству. И сіе исполняя прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ.

Дивитися же и сему достойно, како таковый скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше. Понеже убо и первіе, не святый прозорливый мужъ, но волхвъ татаринъ, сѣдящимъ въ немъ пытливымъ діаволскимъ духомъ надхненъ, нарекль его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеозаръ анзерскій в служеніи литургіи не голуба на немъ сѣдяща видѣ, якоже древле Флавіанъ патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго: но ѕмія черна страшна и велика, около выи его обвившася. Хотящая ли впредъ быти добродѣтели его и таковому великому его сану ждущія; но богоотступная его, святихъ образовъ Спасова и пречистыя Богородицы скверными его нагами попранія, и гнусная содомская мужеложства послѣди показашася*) (л.48) и отъ тѣхъ всѣхъ порочнаго житія его скверныхъ

*) Перечеркнуто. Сверху написанное — неразборчиво, ниже — «а..... щіяся».

дѣлъ самый богопротивный волшебный волкъ зряшеся быти, а не пастырь. И мнитъ ми ся, яко чрезъ волхвованіе свое болше, его же лестію и лукавствомъ помаза, нежели чрезъ добродѣтели кія, таковаго высокаго сана достигнути желаше, яко-же римстіи папы: Келестинъ, иже во Христа вѣры отвергся и Селивестръ вторый, за справою волхвовъ, дѣйствомъ сатанинымъ папежства достигоша. Или для исполненія числа χѯѕ-го, уготованный на то грядущаго по немъ звѣря лютый предтеча, нарицаемый по греческому діалекту Никитіосъ, якоже древній арменинъ, нарицаніемъ льва, покры зовомое прежде Кононово имя: сице и сей монашескимъ именемъ, яко лісъ ошибомъ, загладн данное ему по рожденіи знаменателно въ имени его лежащее χѯѕ-е число.

книга [о] вѣрѣ [гл.] кз. ли

мно[гія] сви[дѣтельства]

Въ тоже время святый Авфоній митрополитъ великоновоградскій, старостію преклонься и недугомъ очнаго изнеможенія, якоже древній Израиль отяготився, остави престолъ премудрости божія и пребываше во обители Святаго Спаса на Хутынѣ: и ту безмолвствуя позлащяше свою архіерейскую паству верхомъ добродѣтелей, смиреніемъ (л. 48 об.) Въ лѣто же ‚зрнз-е Господеви Богу попустившу за многія грѣхи людскія возведенъ бываетъ Никонъ святѣйшимъ Іосифомъ Патріархомъ Московскимъ на престолъ великоновогродскія митрополіи. Блюдомъ бо бяше издревле сонъмомъ суетныхъ на погибель христіанскаго народа коварный сей лжемонахъ, иже прежде поставленія помазанъ бяше татарскою волшебною блевотиною.

о пр[еподобнѣмъ] авф[оніи] мйр[ополитѣ]

[о по]став[леніи ми]тро[поли]тов

По воспріятіи же престола великоновоградскаго приходитъ той лукавый лисъ, въ Хутынскую Спасову обитель посѣтити предивнаго святителя Авфонія. И

[о при]ходе [к авф]онію

пришедъ въ келію его, прошаше благословенія. Тойже вопроси его рекій (небо уже очима видяше): кто ты и откуду, и како нарицаешися? Отвѣщавъ Никонъ глагола святителю: азъ есмь владыко Никонъ, митрополитъ новгородскій. Авфоній же духомъ пророчествія предзря хотящее быти отъ Никона всему православію томительство, вельми отъ всея души воздохнувъ и рече: «прїиде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ. Но воли божіи оставляемъ о насъ полезная предусмотряти».

Егда же приближися блаженный Авфоній митрополитъ къ концу жизни своея, заповѣда сущимъ при немъ да призванъ будетъ архіерей отъ другія епархіи погребсти тѣло его, Никонъ же да не дерзнетъ погребсти его, зане, (л. 49) рече, врагъ есть Божій. О семъ убо повѣда старожительный инокъ Корнилій, живый при упоминаемѣмъ Авфоніи митрополитѣ, иже трудами постничества своего тѣло свое удручивый, в выговской пустыни крыяся отъ новолюбителей преставися в лѣто ҂зс҃г, имый отъ рожденія своего рг҃і лѣтъ, во иночествѣ же пребывъ, ч҃е лѣтъ.

По погребеніи же Авфоніевѣ, невѣдый той Корнилій крыющіяся в' Никоновомъ сердцѣ новолюбительныя на древлеотеческое благочестіе злобы, пріиде къ тому облеченному овчею кожею волку: знаемъ бо бяше ему и до возведенія его на митрополію, ибо того у Іосифа патріарха живый многажды видѣ. И яко простонравенъ сый старецъ, не воспомянувъ Авфоніева о немъ пророченія, пріимаше отъ Нікона благословеніе, яко отъ достойнаго пастыря.

Живущу же ему в великомъ Новѣградѣ при софійскомъ домѣ пріиде изъ соловецкія обители іеродіаконъ Пиминъ (иже послѣди за древлецерковныя

законы отъ нашедшихъ новолюбительныхъ гонителей в предѣлѣхъ града Олонца вмѣстѣ нарицаемѣмъ Березавъ наволокъ, съ тысящею двома стома православныхъ христіанъ въ лѣто ҂зрҁе-е августа ѳ дня огнемъ скончася). Той бо бяше искусенъ инокъ и вѣдый яко же мнитъ ми ся Елеазарово анзерскаго (л. 49 об.) о Никонѣ бывшее прореченіе, и глагола Корнилію: вѣси ли, яко Никонъ митрополитъ антихристъ есть, ибо пятію персты а не двоперстнымъ сложеніемъ благословляетъ люди. Корнилій же, слышавъ отъ Пимина таковая, пришедъ къ Нікону, видѣ его благословляюща пятію персты, якоже рече ему Пиминъ, и отиде паки въ Москву к патріарху Іосифу, емуже и прежде того знаемъ бяше.

Ніконъ же, сѣдя на престолѣ премудрости Божія, и первѣе повелѣ написати образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Дѣвы, имѣющю в нѣдрѣхъ младенца всего совершенна. Такожъ и раздѣленорѣчное древнее знаменное пѣніе презирати нача, в мѣсто же того повелѣваше пѣти нарѣчное, и потомъ не убояся вводити греческое и киевское партесное, много усугубляемое пѣніе.

Еже слышавъ святѣйшій Іосифъ патріархъ воспрещаше ему о томъ. Обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его, благовѣщенскаго собора протопопомъ Стефаномъ Внифа[н]тіе[вы]мъ: и того ради не повиновашеся патріарху. [Io]а[г]шу [ше]ринъ.

Въ лѣто же зрѯ-е повелѣніемъ великаго государя, царя Алексѣя Михайловича и благословеніемъ святѣйшаго Їосифа патріарха, посланъ бываетъ Ніконъ митрополитъ и с нимъ князь Иванъ Никитичь Хованской в соловецкую обитель для пренесенія честныхъ мощей святителя Филиппа митропо (л. 50)

лита Московскаго. Пришедшимъ же имъ въ чюдную чюдныхъ отецъ Зосимы и Савватія обитель, Никону же митрополиту посѣщающу въ темницахъ сущихъ и между прочими пріиде во узилище, идѣже сѣдяше сосланный отъ патріарха Іосифа въ заточеніе за нѣкоторыя Богу и закономъ противныя тяжкія вины, чернецъ нѣкій именемъ Арсеній, мужественный новинамъ и ересемъ защитникъ, иже прежде для внѣшнихъ ученій бывый иногда въ западныхъ странахъ, в разныхъ училищахъ, и угождая тамошнимъ латинскимъ учителемъ, трижды с клятвою отречеся восточнаго греческаго православія. Той убо, абіе сѣдящаго въ немъ пытливаго духа наставленіемъ подстрекаемъ, возопи глаголя: Святѣйшій патріархъ Никонъ, благослови! Никону же, похитившу его слово и для болшаго себѣ о бывшемъ ему прежде отъ волхва татарина пророченіи извѣщенія, глаголаше Арсенію: всяко соблазнился еси о мнѣ, о человѣче, нарицая мене тако: нѣсмь бо патріархъ, но митрополитъ новоградскій. Тому же укрѣпляющуся и нарицающу его патріархомъ и молящуся, да егда будетъ возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи, да воспомянетъ его въ славѣ своей и изведетъ от мрачныя тоя темницы. Никонъ же обѣщеваяся ему глаголетъ: аще сія тако збудутся, то исполнено будетъ прошеніе твое. И тако Никонъ и кн҃зь (л. 50 об.) пребывше въ соловецтѣй обители мало дней, взяша мощи святителя Филиппа и поидоша въ Москву. игн[атій] іеро[диа]ко[нъ]

Въ тоже время бытія Никонова въ пути и въ соловецтѣй обители приснопамятный Іосифъ святѣйшій патріархъ оставивъ вѣка сего житіе преставися въ вѣчное блаженство, тогож ,зрѯ-го лѣта априля ѕ҃і дня. Бяше же тогда въ Москвѣ святый Варлаамъ

митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, иже чреду своюю святительскую еще при Іосифѣ патріархѣ исполняти пріиде. Бяше бо той мужъ лѣты старъ зѣло и благодати святаго духа исполненъ и пророческимъ даромъ сіяше.

Егда же Никонъ съ мощьми святаго Филиппа пріиде близъ града Москвы, тогда царь съ сгглитомъ и преосвященный Варлаамъ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ изыде на срѣтеніе мощей святаго. И егда быша близъ другъ друга, яко уже видѣти возила идущія съ ракою святаго. [кб]вчегомъ
Тогда царь и святитель Варлаамъ изыдоша изъ колесницъ своихъ и идяху пѣши во срѣтеніе чюдотворныхъ мощей. Святый же Варлаамъ, идый под- ...ча": іеро-
держимъ двѣма архидіаконома, моляшеся, Господеви [ді]аконъ
Богу глаголя: «Господи не даждь мни видѣти очима моима лютаго сего звѣря (сіесть Никона) хотящаго попрати всю вселенную. И егда доидоша мѣста другъ ко другу, яко быти единымъ точію камени верженіемъ, испроси святый Варламъ сѣсти въ кре- [Іо]ан шу-
сла (л. 51.) и абіе предаде духъ свой Господеви, [шеринъ]
егоже возлюби. И тако возвращьшеся внидоша вси въ царствующій градъ Москву съ чюдотворными мощьми святителя Филиппа, ихъ же положиша въ сорнѣй Успенія пресвятыя Богородицы церкви, внутрь ѡдесную страну входа южныхъ вратъ.

Сущу же Никону в тыя дни в Москвѣ, старецъ нѣкій святъ живый во обители Чюда святаго архангела Михаила, именемъ Сгмеонъ, видѣ въ нощи видѣніе страшно яко змій великъ, зѣло пестръ и страшенъ видѣніемъ, обогнувся около царскія грановитыя полаты яже въ Кремлѣ и ужасную свою лютымъ ядомъ дышащую главу, и грозно прегибающійся ошибъ вложивъ на прагъ тоя полаты лежаше.

Таковое видѣніе видя старецъ той отъ ужаса скоро воспряну и пристрашенъ бывъ зѣло на многъ часъ. Потомъ въ себѣ бывъ повѣда сіе видѣніе соборнымъ братіямъ. Тіи же ужасомъ одержими глаголаху: что сіе хощетъ быти? Потомъ же скоро увѣдаша, яко во всю нощь ону, въ нюже старецъ видѣніе видѣ, Никонъ митрополитъ во оной полатѣ с царемъ бесѣдоваста, а о чемъ разглаголство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся.

Видѣніе же змія того прежде помянутіи Чюдова
монастыря старцы не просто быти вмѣняху, поми-
нающе древняго змія въ Византіи съ орломъ сплет- кйг[а].
шася, его же хри(л. 5 об.)стіане убиша. и то убо степ[енная]
зміево со орломъ сплетеніе прообразоваше впрѣд ....ва
быти хотящее турецкое христіаномъ насиліе. По- ....л҃
добно тому и въ Римѣ по ҂а лѣтъ отъ Рожества Хри- ....рѵ
стова явивыйся на воздусѣ змій нѣкій страшный, иже ....и
явно указа антихристово со отступленіемъ в Римъ ....то н҃
пришествіе. И сіе поминающе, бояхуся дабы и въ ...г.҂аб҃в.
Россіи не возникло что новое.

Собрану же бывшу вскорѣ россійскихъ архіе- [пос]тавле-
реовъ освященному собору, поставленъ бываетъ па- [ніе Н]икона
тріархомъ, увы мнѣ, лютый сей дивій инокъ на пояде- [патр]іархо҃
ніе винограда Христова, Никонъ, глаголю звѣрь и не пастырь, тогожъ ҂зр҃ѯ-го лѣта іюля к҃е дня. И сый на престолѣ во р҃ѯа-мъ году по седми тысящахъ лютѣ прикрываетъ своя звѣриныя острыя ногти овчія кротости кожею, и входитъ во всероссійское христіанское стадо отъ десныя страны подползающею лестію. Повелѣваетъ убо напечатати книги четія и служебныя со свидѣтельствомъ во описаніи ихъ, якобы согласно древнимъ греческимъ и харатейнымъ россійскимъ книгамъ, иже явишася старопечатнымъ московскимъ книгамъ при первыхъ пяти

патріарсѣхъ печатанымъ во всемъ согласны, исправою во орѳографіи подобающыя доброты изрядно блистающія, яже и донынѣ по всей Россіи по мѣстамъ обрѣтаются. Еже видѣвше людіе (л. 52) мняху его пастыря быти истинна, а не волка.

И тако пребывая, испроси у государя мѣсто, зовомое Валдай, стоящее при езерѣ Валдай, еже длиною имѣется десять верстъ, и ту устрои монастырь во имя пресвятыя Богородицы, его же именова иверскій. И повелѣ новгородскому митрополиту Макарію пренести в той монастырь изъ Боровичь святаго и праведнаго Іакова боровицкаго мощи, еже и сотвори; самъ же взя части отъ мощей святыхъ Московскихъ Чудотворцевъ Петра Алексѣя Іоны и Филиппа и положи въ тойже церкви.

Потомъ повелѣ на Кіи островѣ, иже близь Онѣги рѣки впадающія в Бѣлое соловецкое море монастырь соградити и нарече его гречески ставросъ, руски же крестъ. Повелѣ же содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго въ высоту и широту, во всемъ подобенъ кресту Христову, на немъ же за спасеніе міра распятъ бысть; и обложи его сребромъ и златомъ и драгоцѣннымъ каменіемъ и бисеры украси. И собравъ множество частей отъ мощей святыхъ греческихъ и рускихъ, и вложи я во онъ крестъ, каждую часть в особый ковчежецъ, и посла я во оный крестный монастырь. † три с[оста]вны[и]

Таже созда монастырь воскресенскій при Истрѣ рѣцѣ въ селѣ нѣкоемъ, именуемомъ отстоящемъ отъ Москвы за четыредесятъ поприщь, егоже именова новымъ Іерусалимомъ; И нача здати церковь Воскресенія Христова (*по образу іерусалимскія церкве) и нѣкая образованія святыхъ мѣстъ, яже (л. 52 об.) именоваше ово Назаретъ, ово Виѳліемъ,

а ино темница, ино же Голгофа. Сія же вся творяше, подлагая православному христіанству простому народу яко нѣкую сладкую снѣдь, на удицѣ новостей лежащую.

Но не можаше сквернаго змія смертоносный ядъ въ сердцы лютаго того волка надолзѣ крытися. Воспомянувъ убо лжепророка своего ссылнаго чернца Арсенія, егоже отъ соловецкого лавиринѳа по обѣщанію своему испустити повелѣ, не яко отъ темницы узника, но яко видѣннаго Тайновидцемъ исходящаго изъ бездны на попраніе православія звѣря.

Егоже веемъ, устрои его быти на Печатномъ дворѣ справщикомъ. Тойже окаянный древнихъ лва саврянина и лжепророковъ его богоубійцъ жидовъ клевретъ, надхненный лютымъ латинскаго отступленія ядомъ, бысть богоотступнаго звѣря Никона подобонравное ему во всякой новолюбителной лжи и дерзости любимое чадо. Съ нимъ же согласився Никонъ, подстилаетъ лесть самодержцу глаголя: владыко царю, отъ многихъ убо в народѣ слышу на словенскія книги укоризненныя словеса, яко бы съ греческими и с россійскими древними харатейными книгами несогласуютъ; да повелитъ держава ваша о семъ собрати соборъ россійскихъ архіереовъ и всѣхъ освященныхъ церковныхъ служителей, и съ ними обще раз(л. 53)смотрѣвъ подобающая въ нихъ исправити со старыхъ греческихъ и россійскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ чинѣхъ и уставахъ съ греками согласити, да не будетъ порочна наша паства. К томужъ о недовѣдомыхъ нами вещехъ послати и вселенскому патріарху и прочимъ и во святыя горы афонскую и синайскую. Самодержецъ же, таковая слышавъ отъ патріарха, повелѣ сему тако быти.

Никонъ же, получивъ сіе царскаго величества о справѣ книгъ дозволеніе, и въ лѣто ҂зрѯв-е собра соборъ всероссійскихъ архіереовъ, и предложи оному собору лукавства своего ядъ, яко бы пекійся о справѣ книжной. Притомъ и царское дозволеніе о томъ имъ объяви; еже они слышавше мняху правдѣ быти согласно цареву дозволенію о справѣ книгъ подписаша.

По совершеніи же того собора повелѣваетъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій изъ книгохранителницъ собрати древнія греческія и словенскія хоратейныя книги яко бы для свидѣтельства и согласія съ ними печатныхъ Московскихъ книгъ, въ мысли же своей имѣя лукавое пронырство: аще, рече, будутъ обраны отвсюду древнія книги, не откуду будетъ собрати обличенія на его просыпанныя новины.

Симъ же тако бывающіимъ, бысть у великаго государя съ полскимъ и литовскимъ королемъ брань. К томужъ божіимъ попущеніемъ (л. 53 об.) во ономъ ҂зрѯв-мъ году явися смертоносная мороваго повѣтрія язва, въ нейже мало не вси изомроша. ѡ вой[нѣ] с полш[ей] [о м]орово[м] [пов]ѣтріи

Ніконъ же невзирая на таковую божія гнѣва ярость, едино точію въ разумѣ имѣя древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное рімское нечестіе утвердити; и того ради посылаетъ о томъ посланіе к паѵсію патріарху александріискому тѣми же латинскими новинами [якоже глаголетъ Проскинитарій] убѣжденному, съ Мануиломъ грекомъ, уже отторгшимся древняго греческаго благочестія: да возможетъ представити самодержцу, и всему россійскому освященному собору: яко не самъ собою сія новшества вводити начинаетъ, но по согласію вселенскаго патріарха. [о по]слан п]аѵсіи [пат]р:

Той же Александрійскій пардосъ посланіе Никоново, яко нѣкую сладчайшую поглотивъ снѣдь, [издавна бо желаше Россію отъ благочестія обнажити] и собираетъ свой соборъ, противный восточнѣй древней каѳоличестѣй церкви, и составивъ соборное дѣяніе присылаетъ къ Никону въ лѣто ,зр҃г-е. И въ томъ своемъ посланіи крыетъ ножь отступленія медомъ именованія точію древности, а не самою истины вещію помазанъ.

[о по]слан-
[іи]паvсія
[ко Н]ікону

В. Перетцъ.

(10)